

Дарья Донцова

Судьба найдет на сеновале

ЭКСМО

Агентьмен сыска
Иван Подушкин

Джентльмен сыска Иван Подушкин

Дарья Донцова

Судьба найдет на сеновале

«ЭКСМО»

2014

Донцова Д. А.

Судьба найдет на сеновале / Д. А. Донцова — «Эксмо»,
2014 — (Джентльмен сыска Иван Подушкин)

Иван Подушкин отправился на вокзал встречать шарлотку, переданную ему женой брата, но оказалось, что это вовсе не пирог, а девушка – сердобольная Татьяна решила сосватать ее за Ивана! Пришлось временно приютить Шарлотту в своей квартире, а пока юная провинциалка осваивается в столице, Подушкин распутывает дело, которое ему по дружбе подбросил Макс Воронов. К полицейскому обратился бизнесмен Артем Брагин. Его кто-то планомерно сводит с ума и подталкивает к самоубийству – таково единственное требование шантажиста! А угрожает этот некто поведать миру грязную историю из прошлого Артема: его мать убила избивавшего ее отчима, но соседи – начальник отделения полиции и его дочь – помогли представить дело как суицид... Следы шантажиста привели Ваню к известной актрисе Нине Ореховой, но поговорить с ней не удалось по причине... самоубийства звезды!

© Донцова Д. А., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	23
Глава 7	26
Глава 8	30
Глава 9	33
Глава 10	37
Глава 11	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Дарья Донцова

Судьба найдет на сеновале

Глава 1

«Чтобы летом не опозориться на пляже, надо уже зимой угощать свою лучшую подругу тортами, пирожными и конфетами...»

Я оторвался от завтрака и посмотрел на экран телевизора, с которого улыбалась очаровательная блондинка в розовой кофточке, произнесшая сию замечательную фразу.

– Омлет невкусный? – испугалась стоявшая у холодильника худенькая девушка. – Чегой-то я в него не то запихала? Вроде все поклала, сделала так, как вы, дядя Ваня, любите.

– Спасибо, Лота, – улыбнулся я, – завтрак очень вкусный.

– Чего ж вы тогда есть перестали? – пропищала моя гостья.

– Захотелось посмотреть на женщину, которая советует откармливать подруг, чтобы выглядеть на их фоне стройной, – пояснил я.

Шарлотта захлопала в ладоши.

– Ой, дядя Ваня, вы тоже телик смотрите? Я думала, вы только книжки скучные читаете.

Я отодвинул тарелку с остатками завтрака, встал, направился к кофемашине, но Лота ринулась мне наперерез.

– Дядя Ваня, а я-то тут зачем? Сейчас любой кофеек замутю! Хотите капельчино? Экспресс? Любой могу!

Блондинка на экране оскалилась еще шире и сообщила:

– Сегодня, тринадцатого ноября, в Москве будет по-разному. В районе полудня на Воробьевых горах случится камнепад, после четырнадцати часов на Южное Бутово накатит цунами. В Центральном округе, на Старом Арбате и вокруг Кремля, сохранится солнечная ясная погода, термометр покажет плюс двадцать пять, а в Капотне минус один. С вами были невероятные вести от Марии Безобразницы.

– Дядя Ваня, а где находится Южное Бутово? – озабоченно поинтересовалась Лота. – Я Москву плохо знаю, вдруг случайно в тот район попаду и меня волной смое?

Я нажал на кнопку «ристретто» и поставил чашку под струю кофе.

– Программа была юмористическая. Мария Безобразница просто шутит. На Воробьевых горах не бывает камнепадов, столица России находится вдали от океана, поэтому ее никогда не затопит гигантская волна. И Воланд здесь разгуливать тоже не станет.

– А кто такой Воланд? – тут же спросила Шарлотта. – Я про него ничего не знаю, а у нас дома тарелка на триста каналов.

Я сделал вид, что увлечен кофе. Лота не читала роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита», она дитя телевизора, мне следовало подобрать сравнение из мира сериалов. Например, э... Так и не найдя ничего подходящего, я промолчал, усмехнувшись про себя: ну, конечно, ведь ваш покорный слуга Иван Павлович Подушкин не большой любитель щелкать пультом, из нынешнего телемногообразия я использую всего два канала – где рассказывают о Великих географических открытиях и истории человечества.

– Ой, дядя Ваня, ваши рубашки до сих пор неглажеными лежат! – спохватилась девушка и убежала.

Я вновь направился к кофемашине, решив сварить себе еще чашечку. Кофе действует на меня не так, как на большинство людей, то есть не бодрит, а, наоборот, успокаивает, сегодня же мне предстоит встреча с матушкой, значит, надо заранее подготовиться. Нажав на кнопку «эспрессо», я услышал звук трубы, призывающей армию атаковать противника. Так-

так, понятно, кто меня вызывает. Кстати, хорошо, что люди не знают, какой сигнал вы поставили на свой телефон, чтобы распознать их звонок. Я взял сотовый, нажал на кнопку приема, но не успел произнести ни единого слова.

– Вава! Помнишь про бахилы? – ворвался в ухо громкий голос Николетты.

– Конечно. – Я попытался успокоить маменьку.

– В прошлый раз ты о них забыл, – продолжала кричать та.

– Вовсе нет, – возразил я, – прихватил бахилы, но ты порвала их каблуками.

– Вава! Если бахилы испортились, значит, их не было, – заявила Николетта. – Я надела ботильоны от Шанель. Как выйти из дома без каблучков? Разгуливать в домашних тапках?

Я зачем-то решил поспорить.

– Можно надеть обувь на плоской подошве, предназначенную для длительной прогулки. Лично я умер бы, разгуливая на каблучках.

– Вава! Мужчина на шпильках выглядел бы глупо, а женщина без них похожа на коротконогую утку, – оборвала меня маменька. – Решил мне возражать? Хочешь высказать собственное ошибочное мнение?

– Упаси бог, – пробормотал я, – мне и в голову это не придет. Ты совершенно права: если бахилы разорвались, значит, я не взял их из дома.

– Вава, наконец-то я слышу взрослую речь, – пропела Николетта. – Мальчик мужает, когда понимает: мать всегда и во всем права, и даже если ошибается, то все равно поступает верно. Сегодня непременно возьми одноразовые бахилы. Да купи те, что рассчитаны на обувь с каблучками.

– Никогда не слышал о подобных, – удивился я.

– Вава, ты писал диссертацию о бахилах? Изучил все виды? Не спорь! Неужели я должна тебе до старости объяснять правила хорошего тона? – прошипела матушка.

– Ну и где продают такие? – вздохнул я.

– В аптеках, разумеется, – разозлилась Николетта. – Что с тобой сегодня? Очнись! Да, и оденься прилично.

– Смокинг и лаковые ботинки будут кстати? – хмыкнул я.

– Вава! – взвизгнула маменька.

– Прости, глупо пошутил, – быстро сказал я. – Не переживай...

Договорить не удалось – из трубки полетели частые гудки. Я пошел в спальню, чтобы взять портмоне и ключи от машины. Через дорогу от моего дома находится аптека, надо будет туда заглянуть.

Понимаю, у вас возникли вопросы. Зачем Николетте понадобились бахилы? По какой причине в моей квартире хозяйничает Шарлотта? Сейчас постараюсь утолить ваше любопытство.

Некоторое время назад мне на голову неожиданно свалился двоюродный брат Илья вместе со своей женой Татьяной и дочкой Полиной¹. Нет необходимости сейчас рассказывать о том, почему я прежде не поддерживал с ними отношений, но, когда они уезжали домой, мы расстались добрыми друзьями. В тамбуре вагона Таня повисла у меня на шее со словами:

– Знаю, Ваняшка, ты терпеть не можешь, когда тебя люди трогают, но после всего вместе пережитого, мы таперича с тобой брат и сестра. Поэтому не сердись за поцелуй.

Я прижал Таню к себе.

– Чужие объятия мне неприятны, но ты-то своя.

Татьяна шмыгнула носом.

¹ События, о которых упоминает Ваня, описаны в книге Дарьи Донцовой «Тайная связь его величества», издательство «Эксмо».

– Хорошо сказал! До самых печенок твои ласковые слова пробрали. И как ты в Москве один останешься?

– Не переживай, Танюша, прекрасно проживу, – заверил я.

– Опять будешь питаться фастфудью, – запричитала Таня, – а рубашки твоя косорукая домработница гладить не умеет.

– Провожающих просим срочно покинуть вагоны, поезд отправляется через три минуты, – объявило радио.

Я спрыгнул на перрон.

– Не волнуйся, все будет хорошо.

– Сердце за тебя болит, – крикнула Таня, – я что-нибудь придумаю.

Я пропустил ее слова мимо ушей, не придав им особого значения. Более того, если уж совсем откровенно, я был рад, что наконец-то остался один. Теперь снова смогу ходить по дому в халате и принимать душ с открытой дверью ванной. Моя квартира большая, удобная, места в ней с избытком, санузел же маленький и сразу наполняется паром, от чего я начинаю задыхаться. Но, как вы понимаете, присутствие посторонних людей лишало меня возможности следовать своим привычкам.

Мы с родственниками продолжали общаться по телефону, и всякий раз во время беседы Танюша стонала:

– Ой-ой-ой, совсем ты никому теперь не нужный... Рубашки небось отвратительно постираны, а уж про глажку я молчу. Плохо там тебе без меня, некому о бедном позаботиться, истощал весь, голодный ходишь...

Я заверял ее, что мой вес стабилен, и к тому же сейчас в моде сорочки, сшитые из ткани с эффектом помятости, их гладить не надо. Наивно полагая, что слова сердобольной Танюши носят ритуальный характер вроде вопроса «как дела?», который задают из простой вежливости, а не желая на самом деле выяснить, что происходит в вашей жизни, я терпеливо поддерживал пустую беседу, не зная, насколько ошибаюсь в ее оценке.

Две недели назад Таня позвонила около полуночи. Я удивился, ведь знал, что она ложится спать не позже девяти вечера, а потом испугался и, забыв поздороваться, воскликнул:

– Что-то с Полиной? У нее опять плохие анализы?

– Типун тебе на язык! – зашумела Таня. – Здоровая девочка, тьфу-тьфу... Извиняй, что в ночи побеспокоила. Отправила к тебе шарлотку, через сутки до Москвы дохлупает. Встреть, пожалуйста. Номер поезда, вагона и места эсэмэской выслала.

– Спасибо, Таня, – пробормотал я.

– Вот и славно, – засмеялась она. – Теперь хоть потолстеешь чуток мне на радость, не должен мужик на дрища походить. Слышь, Ванятка, ты на платформе встань с объявой «Встречаю шарлотку». Лота первый раз в столицу отправилась, боюсь, она растеряется. Я ей сказала: «Ваняшка с плакатом у вагона стоять будет».

Через двадцать четыре часа я, ощущая себя невыносимым дураком, подошел к двери нужного вагона и стал всматриваться в пассажиров, выходивших на перрон. Я держал лист с сообщением: «Встречаю Лоту, которая везет пирог-шарлотку от Татьяны». Кое-кто, пробежав глазами по «прокламации», улыбался, но основная толпа равнодушно текла мимо. Наконец из тамбура выпрыгнула худенькая девушка лет семнадцати. Несмотря на ветреный и холодный ноябрь, на ней были легкая курточка песочного цвета, красная мини-юбка и желтые лаковые туфельки. Весь багаж ее составлял клеенчатый баул красно-белой расцветки, такие в девяностых годах использовали челночники.

– Вы Лота? – спросил я.

– Ага. А вы дядя Ваня? Здорово, встретили, – обрадовалась она. – Тетя Таня обещала, что вы придете, но я боялась, вдруг забудете...

Выпалив все это, Лота выжидательно посмотрела на меня. У симпатичной провинциалки оказался на редкость немusикальный голос: тонкий, писклявый дискант, ввинчивающийся в уши, как острый холодный шуруп. Молчание затянулось, я нарушил его первым:

– Вас куда подвезти? И где пирог? Если в сумке, то его лучше вынуть.

– Пирог? – пропихала Лота. – Какой?

– С яблоками, – уточнил я.

– Тетя Таня жрачку мне не давала, – пробормотала девушка.

Настал мой черед удивляться:

– Татьяна велела встретить шарлотку.

Лота закрыла рот ладошкой и захихикала:

– Дядя Ваня, это я. Меня зовут Шарлотта.

– Необычное имя для российской глубинки, – только и смог вымолвить я.

– Не, у нас в городке аж четыре штуки Шарлотки, – весело объяснила девушка. – Вы сериал «Тайна Нью-Брауна» глядели?

– Нет, – ответил я, – не довелось.

– А наши все от него фатанели, – пояснила гостья. – Когда я восемнадцать лет назад родилась, как раз последняя серия шла, и мамуська меня в честь главной героини назвала. Вы, дядя Ваня, зовите меня Лотой.

– Ясно, – протянул я, – поехали ко мне домой.

Глава 2

Пока Шарлотта принимала душ, я позвонил Татьяне, задал ей вопрос и услышал в ответ: – Ваняшка, не пыхти! Шарлотка – дочка моей лучшей подруги Верки. Девку воспитали правильно, работа у ей в руках горит. По хозяйству все делать умеет, за огородом ухаживает, консерву на зиму закатывает, готовит, убирает, стирает, гладит, за продуктами бегают, деньги считать приучена. Она тебе пятерых деток влегкую родить сможет.

– Не надо! – испугался я.

– Ваняша, наследники всем нужны, – строго заявила Таня.

– Постой, – опешил я, – ты что, мне невесту прислала?

– Сам-то ведь нормальную бабу не найдешь, – посетовала родственница. – Какую-нибудь избалованку на шею себе посадишь, а от нее толку не жди, будешь гамбургерами обедать, бутербродами ужинать, шей да борщика на столе не увидишь, котлетками не полакомишься.

– Спасибо, Таня, ценю твою заботу, но Шарлотте лучше уехать домой, – твердо заявил я.

– Ваняшка, не гони коней, присмотришь к Лотке, – не сдавалась Таня. – Тебе такие нравятся – тощие, светловолосые. Глаза, правда, у девчонки карие, но можно в них не смотреть. А уж хозяйка она...

Я попытался урезонить Татьяну:

– Таня, в мои планы не входит совращение малолетних.

– Шарлотке восемнадцать, – последовало возражение, – можешь в ее паспорт нос засунуть. За кого ты меня принимаешь? Неужели я подставляю мужнина брата под статью по уголовке? Поживи с ней, пообвыкни. Поверь, она тебе понравится. Я лучше знаю, какая баба тебе нужна.

Я слабо отбивался:

– Спасибо, Таня, но ты зря прислала девочку. Ладно, пусть погуляет по столице, свожу ее разок в театр, куплю подарки, но через семь дней она должна уехать.

– Не получится, – откликнулась супруга Ильи. – Шарлотта на месяц прикатила для сдачи контрольных и докладов, она учится в Москве на врача заочно.

– На врача заочно? – недоуменно переспросил я. – Надеюсь, Лота не хирургом готовится стать. Не хотелось бы попасть на стол к человеку, который учился удалять аппендицит при помощи Всемирной паутины.

– Не, Вань, Шарлотка будет экстрасенсом, – пустилась в объяснения Таня, – в ейном колледже обучают на этих... на био... биоэнер...

– Биоэнергетиков? – подсказал я.

– Точно. Ой, ну ты столько знаешь! – восхитилась моя собеседница. – А у меня в голове длинные слова не задерживаются. Такие врачи прорву денег получают. У нас в районе Георгий Палыч работает, так он от пациентов лопатой отбивается, прут и прут на прием. Мужик дом трехэтажный построил, две машины купил, жену с дочкой в шубы закутал, рубли не считает. Лотка обучится и тоже хорошо жить станет.

– Ну и ну, – пробормотал я. – Как это возможно?

– Чему ты удивляешься? – не поняла Таня. – Сейчас многие по интернету лекции слушают. Но Лотке надо четыре раза в год в Москву наезжать и по месяцу там жить, чтобы сессию хорошо сдать. Общежитие приезжим бесплатно не дают, за койко-место платить надо сто долларов в день.

– С ума сойти! – воскликнул я.

– Такие уж у вас в столице цены, – вздохнула Татьяна. – Условия, правда, хорошие – всего пятеро в комнате, душ-туалет свой, и кухонька есть, в ней холодильник и плита. Но где столько деньжищ взять? За учебу ведь тоже платить надо. У Лотки родители обеспеченные, на

станции магазин держат, но миллионов у них нет. Ваняшка, разреши Шарлотте у тебя пожить, а она за это генеральную уборку в квартире проведет, окна-антресоли отмоет, еду готовить будет. Верка, мать Лоты, варенья для тебя наварит, консервов домашних накрутит, овощей навезет. Всю зиму в магазин не понадобится ходить, с огорода питаться станешь, а домашнее – не покупное, в сто разов вкуснее...

Жена Ильи бубнила и бубнила, у меня даже закружилась голова. И в конце концов я помимо воли ляпнул:

– Хорошо, пусть Шарлотта останется у меня.

– Вот и правильно, Ваняшка, – похвалила Таня. – Лучше Лотки тебе никого не найти. Прикинь, скока она в дом принесет, когда лечить народ примется...

Завершив беседу, я ощутил глубочайшее недовольство собой. Надо признать: я – мягкотелый тип, не способный жестко отстаивать собственные интересы. Татьяна ловко скрутила меня в бараний рог. С другой стороны, не выгонять же Шарлотту на улицу? Юная наивная провинциалка, впервые приехавшая в столицу, определенно растеряется в шумном городе. И если я откажу ей в приюте, куда она пойдет? Придется оставить Лоту на месяц в своей квартире. Но впредь я буду умнее, и если Таня еще раз попросит кого-нибудь встретить, сурово отвечу: «Нет».

Я посмотрел на кофемашину. Может, сварить еще чашечку? И тут зазвонил телефон, на экране высветился номер моего лучшего друга Максима Воронова.

– Доброе утро, – приветствовал я его.

– У меня уже день, – вздохнул Макс. – Чем ты занят?

– Кофе пью, морально готовлюсь к поездке с Николеттой и риелтором для осмотра очередной квартиры, – пояснил я.

– Когда из дома уйдешь?

– Через три часа. А сейчас собрался пойти в офис, хочу подумать спокойно в кабинете, – признался я. – Шарлотта, когда хлопочет по хозяйству, распевает песни со словами вроде «любовь тебя ждет под каждым кустом», и моя нервная система не выдерживает ее вокализмов. Хотя она скоро уедет на занятия.

– Буду у тебя в конторе минут через пятнадцать. Приеду не один, есть дело, – заявил Макс.

* * *

– Иван Павлович, это Артем Глебович Брагин, мы с ним давно знакомы, – скороговоркой произнес Макс, входя в офис. – Впервые увидели друг друга в общей компании, с тех пор много воды утекло. Моя девушка Лена – ты ее не знаешь, наши отношения давно разорваны – училась вместе с Артемом и как-то притащила меня на вечеринку однокурсников. Я был старше собравшихся и быстро заскучал, но потом пришел Брагин, и у нас нашлись темы для беседы. Так что нашему приятельству не один год.

Я протянул спутнику Макса руку:

– Очень приятно. Иван Павлович Подушкин.

– Я предпочел бы познакомиться с вами при других обстоятельствах, – с грустью произнес Брагин.

– Давайте сядем и поговорим спокойно, – предложил Макс. – Артем ученый, кандидат наук, у него своя фирма. Никакими махинациями мой друг не занимается, счастливо женат, – одним словом, нормальный порядочный человек. И вдруг недавно с ним стали происходить странные вещи. Но лучше пусть он сам расскажет, в чем дело.

Брагин скрестил руки на груди и в упор посмотрел на меня.

– Придется сообщить подробности личной жизни, поэтому я рассчитываю, что вы будете держать язык за зубами.

Я мысленно усмехнулся. Все понятно: Артем состоит в браке, однако имеет любовницу. Она за что-то обозлилась на него и грозит предать огласке «левые» отношения. Мужчины редко уходят от жен к сожительницам. Как правило, они говорят подружке: «Жена мне остертела, но она смертельно больна, а я, как порядочный человек, не могу ее бросить». Или вспоминают о детях: «Дорогая, с супругой у меня полный раскол, давно вместе не спим. Вот только наша младшенькая, Юлечка, такая эмоциональная девочка! Узнает про развод родителей – свалится с нервным срывом. Давай подождем пару лет, пока она окончит школу». Не советую дамам верить подобным мужским сказкам. Услышав нечто в этом роде, им надо искать другого партнера, который готов взять на себя ответственность за женщину и оформить с ней брак.

– Эти сведения весьма интимны, – бормотал Артем, – речь пойдет о моей матери.

Я выпал из состояния дремлющего суриката и от неожиданности задал гениальный вопрос:

– У вас есть мать?

Макс прищурился, а Брагин кивнул:

– Да. Ее зовут Анна Сергеевна Плотникова, она пенсионерка, сейчас живет в Москве, но ранее обитала в Плавске. Много лет работала там в районной библиотеке на выдаче книг. Мама совершенно неконфликтный человек, тихий, интеллигентный. Мой отец скончался, когда я был малышом, совсем его не помню. Пару лет мать вдовствовала – она женщина старого воспитания, для нее гражданский брак невозможен, она считает, что жить с мужчиной и не иметь штампа в паспорте позор, – а потом расписалась с Юрием Николаевичем Плотниковым, отставным полковником. Тот был обеспечен, имел хорошую квартиру, дачу, машину, но, как я сейчас понимаю, искал не любимую супругу, не близкого по духу человека, а бесплатную домработницу.

У Брагина в кармане зазвонил телефон, он выключил его и продолжал:

– Новый супруг оказался садистом, он постоянно распускал руки. Ему нравилось, когда жена плакала, умоляла не бить ее, ползая перед ним на коленях. Мерзавец никогда не бил маму по лицу, побои наносил хитро, синяки не бросались посторонним в глаза. Со мной он поступал так же, но я, в отличие от матери, скоро понял: гаденыш заводится, если перед ним слабак, – поэтому стал из всех сил сопротивляться. Правда, физических сил у меня было маловато, я рос щуплым, и Юрий легко справлялся со мной. В девятом классе мне пришлось в голову записаться в секцию самбо. Нынче этот вид борьбы незаслуженно забыт, а зря. Занимался я истово. Каждый раз, сражаясь с противником, представлял на его месте Плотникова и зверел. Через год, когда отчим в очередной раз поднял на меня руку, я швырнул его на пол, наступил ему ногой на горло и велел: «Немедленно поклянись, что никогда не прикоснешься к маме, иначе я нажму посильней – и ты покойник». Садист перепугался и поклялся. Больше он меня не трогал. И перестал обижать мать, в доме воцарился относительный покой. Окончив школу, я уехал в Москву, поступил в институт. Домой не приезжал даже на каникулы, учился запоем, поставив перед собой цель получить красный диплом, попасть в аспирантуру, защитить кандидатскую, найти в столице работу, купить квартиру.

Брагин замолчал, сделал глубокий вдох и отвел глаза в сторону.

– Не стану лукавить: я поступил как махровый эгоист – буквально бросил мать, отделился звонками на ее день рождения, Восьмое марта и Новый год. Городок, в котором прошли мои школьные годы, крохотный, делать там нечего, меня на малую родину не тянуло. А в Москве появились друзья, вот с Максом на вечеринке познакомился. Я нашел подработку, снимал квартиру. В столице жизнь сияла радужными красками, в Плавске же хлюпало болото. У меня мороз по коже бежал, когда я думал, что не зацеплюсь в столице и придется вер-

нуться в убогий угол, пойти работать на местный завод. Правда, непонятно, что бы стал делать выпускник химфака на предприятии, которое выпускает постельное белье, шторы, халаты, но больше-то в Плавске работать негде. Ну, еще можно преподавать в школе. Унылая перспектива! Короче, студентом я поклялся, что никогда, ни при каких обстоятельствах не буду жить в Плавске или подобной дыре. Ногти сорву, зубы сломаю, но стану москвичом. И женюсь только на столичной барышне. Поверьте, я не искал богатую невесту, не хотел за счет супруги получить прописку, собирался сам добиться материального благополучия. А еще я не желал строить семью с девицей, которая говорит: «Чашку налила всклян» или «Катьке ейный муж шубу купил, мне тоже доху надо», стремился общаться с теми, у кого нормальная лексика, кто читает книги, а не пялится в телеэкран.

Я молча слушал Артема, хотя на язык так и просились возражения. Например, что далеко не все провинциалы используют в речи местный диалект. В Москве довольно много коренных жителей, употребляющих восхитительные глаголы «ложить» и «покласть», у кого в доме нет печатных изданий, кроме газет типа «Желтухи». Интеллигентность не зависит от того, где вы живете, в столице или в медвежьем углу. И, как это ни странно, человек с высшим образованием не всегда бывает интеллигентен, а простая деревенская женщина, любящая телешоу, может быть деликатной, никому не завидовать, уважать мужа, любить детей, свекровь.

– У меня были замечательные перспективы, и вдруг – звонок от Лены Браткиной, нашей соседки по лестничной клетке в Плавске, – говорил тем временем Артем. – Она была дочерью начальника отделения милиции, мы с ней учились вместе. Одноклассница сказала: «Тема, срочно приезжай. Знаю, уже поздно, но быстро беги на вокзал, успеешь на последнюю электричку. И сойди не в Плавске, а в Калинове, в такси не садись, иди через поле пешком. Там недалеко, километра два. Дело серьезное, с Анной Сергеевной плохо». Я начал задавать вопросы, но Елена занервничала: «Твоя мама здорова, остальное – при личной встрече».

Глава 3

Брагин закашлялся, я сходил на кухню и принес ему воды. Но он пить не стал, продолжил рассказ. Я не перебивал.

...В родную квартиру Артем попасть не смог – у него не было ключа, а на стук в дверь никто не отозвался. Ошарашенный, он позвонил к соседям. Открыла Лена. Втащив бывшего одноклассника в прихожую, она прошептала:

– Ты с кем-нибудь по дороге разговаривал? Знакомых не встретил?

– Сделал, как ты велела, сошел с поезда в Калинове и пехом пер до Плавска, – ответил Артем. – Кстати, такси на вокзале не оказалось. Что случилось? Где мать?

– Хорошо, что ни с кем не столкнулся, – обрадовалась Елена и втокнула Брагина в гостиную, где сидел ее отец.

– Здравствуй, сынок, – тихо сказал Григорий Петрович. – Молодец, что спешно приехал, садись, поговорить надо.

– Тема, хочешь чаю? – засуетилась было Лена.

– Не до жарчки сейчас, – отмахнулся от дочери отец. – Слушай, Артем, внимательно. Наш дом, где мы с твоей матерью много лет соседствовали, пока я себе однушку не выбил, наконец-то признали аварийным. К слову сказать, давно пора, сгнило здание совсем. Из жильцов здесь остались двое: Ленка моя и Анна Сергеевна. Я им велел до конца держаться, требовать квартиры в новостройке на улице Брыкина, там кухни большие, лоджии и меньше пятидесяти квадратов жилья нет. Другие обрадовались, что им новые фатерки дадут, ухватились за первое предложение, вот им и достались норы. А Ленка с Анной Сергеевной меня послушались и в результате ордера на достойное жилье получили. Переезжают на следующей неделе. Понимаешь теперь, почему тут на всех этажах никого нет? Ты меня слушаешь?

Артем кивнул. Григорий Петрович продолжил:

– Вчера в пять пополудни из квартиры твоей матери крик полетел, звали на помощь...

– Юрий Николаевич хитрым был, – вмешалась Лена, – все вокруг его и тетю Аню образцовой парой считали. Но мы с тобой дружили, уж я-то знаю, как отчим и тебя, и жену избивал.

– Надо было давно мне правду доложить! – рассердился Григорий Петрович.

– Тема запретил, вот я и молчала, – стала оправдываться Лена. – Когда ты отсюда съехал, тетя Аня ко мне частенько забегала – колотил ее муж нещадно. Я упрашивала Анну Сергеевну папе открыться, а она в ответ: «Господь терпел и нам велел».

– Дура, блин, – выругался милицейский начальник.

– Я сначала из-за стены крики слышала, – продолжала Лена. – А потом – бабах! Выстрел! Папа меня с детства на охоту берет, в тир мы с ним по воскресеньям иногда ходим, поэтому я сразу поняла: из пистолета пальнули. Кинулась на лестницу, а там тетя Аня вся в кровище стоит, бормочет что-то несвязное. Затем она в свою квартиру назад убежала, я за ней...

Елена схватилась за щеки.

– Пусть папа говорит, он к такому привык.

– Артем, откуда у твоей матери «макаров»²? – спросил Григорий Петрович.

– Вообще-то мама оружия как огня боится, – пробормотал Брагин, – стрелять не умеет. Вот у отчима был ствол, но откуда, понятия не имею.

– Короче, так. Твоя мать застрелила мужа, а потом с ней нервный припадок случился, – наконец-то объяснил, в чем дело, начальник милиции. – Ты, Тема, хороший парень, всегда Ленке в школе помогал. Кабы ты ей все экзаменационные задания не решил, не получить бы

² «Макаров» – пистолет Макарова (ПМ). Здесь и далее примеч. авт.

моей дуре аттестат. Помню это и ценю. Потому сейчас и готов помочь. Ты вроде в аспирантуру метишь?

Артем, ошарашенный новостью, лишь кивнул.

– Значитца, мать-убийца в твоей биографии не нужна, – резюмировал милиционер, – помешает такой расклад карьере. Народ ведь примитивно рассуждает: если в семье есть преступник, то и сам Артем Брагин криминальный тип. Тупое быдло вокруг! Умирает наш городок, остались в нем одни люмпены да алкоголики. В общем, Тема, предлагаю тебе выбор. Есть два пути. Первый: увозишь Ленку в Москву, находишь ей там работу, помогаешь моей дочери, пока она на ноги не встанет, а я за это объявляю смерть Плотникова самоубийством. Анна Сергеевна чистой останется, анкету тебе не подпортит, в тюрьму не сядет. Второй путь: ты меня сейчас на три буквы посылаешь, и Ленка в Плавске остается. Понимаю, сложно девчонку-идиотку, без образования, в столице устроить. У природы обычно все в равновесии, и если мозгов у бабы нет, так хоть фигура статная, а если наружность мышьяная, то ум светлый. У Ленки же по всем направлениям полный абзац, и таланта нет, и сама худюшая, только и есть глаза одни. Ни замуж отдать, ни в Красной армии служить, как говорится. Откажешься – обижаться на тебя не стану, сам ее такую родил и воспитал. Но в этом случае Анне Сергеевне руку помощи не протяну, по этапу мать твоя пойдет, в колонию угодит. Вот и решай, что тебе выгоднее. Времени на раздумья нет – вот-вот в Калинове скорый поезд Москва – Минск тормознет...

– Я постараюсь помочь вашей дочке адаптироваться в Москве, заберу ее с собой – воскликнул Артем.

Григорий Петрович хлопнул парня по спине.

– Молодец. Хвалю. Всегда на меня рассчитывай. Теперь слушай, чего делать надо...

В пять пятьдесят утра Артем вышел на привокзальную площадь Калинова, разбудил единственного таксиста, мирно похрапывающего в машине, и спросил:

– До Плавска довезете?

– Оплатишь два конца, да хоть на Луну, – зевнул водитель.

По дороге Артем разоткровенничался с шофером, рассказал, что хочет сделать сюрприз для матери и отчима. У них, мол, сегодня годовщина знакомства, и он везет в подарок хрустальную вазу, которую купил в антикварной лавке.

– Мама такую в прошлом году разбила, – говорил Брагин, – расстроилась сильно. Я все московские магазины обшарил, нашел идентичную. Вчера на электричку последнюю опоздал, пришлось заплатить проводнику и ехать на скором в тамбуре.

У подъезда Артем расплатился с водилой, вручил щедрые чаевые, поднялся в квартиру матери, открыл дверь ключом, вошел в гостиную – и кинулся к соседке Лене...

Как вы догадываетесь, сценарий сей пьесы сочинил Григорий Петрович Браткин. Он же дал Теме ключи от жилья Анны Сергеевны, вазу и деньги на такси.

Через час на место происшествия прикатили местные милиционеры. Они обнаружили в квартире Плотниковых идеальный порядок, на диване в большой комнате лежал покойник, на столе листок – предсмертное письмо. Единственным беспорядком оказались осколки разбитой хрустальной вазы в прихожей. Там же валялась сумка Брагина. Артем и Анна Сергеевна находились в квартире соседки.

Шерлоки холмсы из Плавска знали, что Елена – дочь Григория Браткина, поэтому вели себя уважительно. Первым они опросили парня. Тема спел ту же песню про годовщину знакомства любимых отчима и мамы, о том, как опоздал на последнюю электричку, ехал в тамбуре скорого поезда, заплатив проводнику, а также про вазу, которую искал в московских магазинах и разбил, уронив при виде трупа. А еще Брагин сообщил, что мать беспокоило душевное здоровье мужа. Тот в последний год совсем пал духом, твердил, что жизнь закончена, он никому не нужен, пенсия копеечная, у него нет возможности побаловать любимую жену, мечтавшую о новой шубке, а ведь денег он на нее собрать не может...

Местный эксперт, мужчина выпивавший, отчего постоянно пребывал по утрам в стадии похмелья, подтвердил факт суицида.

Анну Сергеевну опросить не удалось – бедняжка находилась в шоке, сидела, уставившись в одну точку, молчала, не реагировала на внешние раздражители. Врач приехавшей «Скорой» поставила диагноз «сильный стресс» и предложила отвезти ее в местную больницу. Артем согласился.

Григорий Петрович сдержал слово: смерть Юрия Николаевича признали самоубийством, никто лишних вопросов о кончине отставного полковника не задавал. Местные кумушки посудачили немного о несчастье в семье Плотниковых и переключились на другие темы.

С тех пор прошел не один год. Брагин защитил кандидатскую, завел свое дело, посватался к Маргарите, дочери успешного бизнесмена Леонида Мартыновича Осипова, богатого человека с обширными связями. Ради любимой дочурки отец был готов на все. Но, естественно, проверил биографию будущего зятя, узнал историю с самоубийством его отчима и засыпал Артема вопросами.

Брагин, умело перемешав ложь с правдой, с честью выдержал допрос. Он рассказал, что мать и ее супруг жили душа в душу, обожали друг друга, а потом у Юрия Николаевича сдали нервы, вот он и схватился за пистолет.

– А где сейчас твоя мать? – поинтересовался Осипов.

– Она живет отдельно, – пояснил Артем. – Я купил ей квартиру в столице, она не работает, пенсионерка, я помогаю ей чем могу.

– Молодец, – одобрил Осипов, – нам надо с ней познакомиться. Давай организуем встречу на следующей неделе?

– Отлично, – согласился Брагин.

Но Осипов так и не попил чайку с будущей свекровью дочери. На следующий день после этого разговора он во время совещания потерял сознание. Врачи приехали через десять минут, но им оставалось только констатировать смерть бизнесмена. После вскрытия выяснилось, что у него оторвался тромб.

Маргарита и Артем отложили свадьбу на год, потом без особой помпы расписались. Все имущество и фирма Леонида Мартыновича отошли к его дочери. Маргарита стала твердой рукой рулить бизнесом, в ней неожиданно проснулся жесткий, хитрый, умный руководитель. Богатая супруга, обожающая мужа, своя фирма, просторная квартира, дорогая машина, лабрадор, кошка... Жизнь Брагина складывалась прекрасно. Но, как известно, в сладком компоте может попасться камешек, о который вы сломаете зуб. Чтобы понять сегодняшние проблемы Артема Глебовича, надо знать, как он жил до встречи с Ритой.

Глава 4

Когда Анна Сергеевна вышла из плавской больницы, сын забрал ее в Москву. После переезда она вела себя странно – целыми днями спала, не занималась домашним хозяйством, ничем не интересовалась, даже телевизор не смотрела.

Сначала мать и сын снимали квартиру, потом Артему удалось выгодно продать трешку в Плавске, ту самую, что Плотниковым выделили в новом доме. На вырученные средства аспирант Брагин купил в столице крохотную однушку в малопrestижном районе. Двухэтажный барак, всего двадцать восемь квадратных метров общей площади, но это было собственное жилье. Получив столичную прописку, Артем почувствовал себя счастливым. Одна его мечта сбылась – он стал москвичом, поднялся на первую ступеньку лестницы, которая вела к цели, поставленной им для себя. На второй Брагин оказался довольно скоро, когда его, обладателя красного диплома, взяли в аспирантуру. Молодой человек засучил рукава и засел за кандидатскую диссертацию.

Следующие три года оказались для него тяжелыми и в материальном, и в моральном плане.

Чтобы написать хорошую работу, требовалось сидеть в библиотеках, а его научный руководитель сделал из него бесплатную прислугу. Артем бегал за продуктами для профессора, выгуливал по утрам его собачку, мыл окна в его необъятной квартире, вскапывал грядки на даче.

Анна Сергеевна безвылазно сидела дома. Вернее, лежала. Она постоянно дремала и почти не разговаривала. Сын понимал, что ее надо показать хорошему невропатологу или, может, даже психиатру, но денег в семье катастрофически не хватало, заплатить за визит к специалисту Тема не мог. Правда, он сводил мать в районную поликлинику, рассказал пожилому доктору о самоубийстве Плотникова и услышал в ответ:

– А что вы хотите? После сильного стресса люди годами остаются неадекватными. Заваривайте для матери валерьянку, пустырник. Ей нужно больше бывать на свежем воздухе, хорошо питаться.

– Может, маме надо принимать какие-то новые лекарства? – заикнулся Брагин.

– Пусть пьет, что в больнице назначили, – отмахнулся невропатолог, даже не поинтересовавшись, какие препараты выписали пациентке.

Наконец эти трудные три года миновали, и у Артема началась полоса удач. Он с блеском защитил диссертацию, стал преподавателем в институте. А убогий барак, в котором жили Брагины, развалился. В прямом смысле этого слова. Неподалеку от него начали возводить огромное здание бизнес-центра, и когда бетонный монстр вырос до десятого этажа, соседнее хлипкое сооружение сильно покосилось на один бок. Чтобы не разразился скандал, всем жильцам барака срочно выделили квартиры. Артем быстро сориентировался, пригрозил горе-строителям поднять шум, и им с матерью досталась двушка. Через год Брагин открыл собственную лабораторию, где делали разные анализы, и материальное положение семьи стало выравниваться. Да еще и Анна Сергеевна неожиданно пошла на поправку.

Как-то вечером вернувшись с работы, Тема застал мать на кухне.

– Мама, ты жарить котлеты! – ахнул он.

– Сходила в магазин, мясо купила, – как ни в чем не бывало ответила та, – дорого-то как в Москве продукты стоят.

Через месяц Анна Сергеевна окончательно стала прежней, а спустя полгода сказала:

– Тебе жениться пора. Но как завести роман, если ты живешь вместе со мной? Давай разменяем квартиру, мне хватит комнаты в коммуналке.

Сын не стал спорить. Но поступил по-своему: занял денег у приятеля и отсел в однукомнатную квартиру.

Вскоре после того, как они разъехались, он познакомился с Маргаритой. Брагин год ухаживал за Осиповой, наконец сделал ей предложение, но свадьбу, как вы уже знаете, пришлось отложить из-за неожиданной кончины отца невесты. Накануне несостоявшегося бракосочетания, еще при жизни Леонида Мартыновича, случилось неприятное событие...

Рассказчик замолчал и посмотрел мне в глаза.

– Иван Павлович, то, что я поведаю дальше, не особенно меня красит, но постарайтесь понять ситуацию правильно. Маргарита, дочь очень обеспеченного человека, рано осталась без матери, и Леонид Мартынович баловал сироту нещадно, исполнял любые ее желания. Рита одевалась в лучших фирмах, ездила на машине с шофером, имела кучу платиновых кредиток. Ну и как такая девушка отреагирует, увидев будущую свекровь? Моя мать по салонам не бегала, носила старомодные вещи, жила в скромной квартирке. Кроме того, мама обожала рассуждать о красоте души, и ей никогда не нравились гламурные красавицы, тем более в мини-юбках. Я был стопроцентно уверен, что, как только потенциальная невеста переступит порог, моя мать окинет ее взглядом, сделает молниеносные выводы и заведет свою вечную песню: «Жена моего сына должна быть богата не деньгами. Душевные качества – вот что ему нужно». Ну и так далее. Захочет ли Рита выйти замуж за человека, чья мамаша при первом знакомстве начнет ее чморить? В общем, я сказал Марго: «Мама плохо себя чувствует, давай не будем устраивать ваше торжественное знакомство. Встретитесь на свадьбе. Мама в нашу жизнь никогда не полезет, после медового месяца заглянем к ней на полчаса, а потом ты со свекровью раз в пять лет общаться будешь».

Брагин дернул плечом, помолчал, затем продолжил рассказ. Я слушал его и одновременно внимательно наблюдал за ним.

...Рита не стала спорить с женихом. Сама она росла без матери и совсем от этого не страдала, главным человеком для нее был отец. Встречи Анны Сергеевны и Маргариты удалось избежать.

За месяц до свадьбы Артем сказал матери:

– Я собираюсь жениться на девушке из очень богатой семьи. Давай купим тебе новое модное платье, а? Потом ты сходишь в салон, покрасишь волосы, сделаешь стрижку. Тебе надо на нашем празднике прилично выглядеть.

Анна Сергеевна ничего не ответила, сделала вид, будто не слышала слов сына. Тот на нее даже обиделся. Ехал домой и думал: «Неужели мать не могла хотя бы из вежливости как-то иначе отреагировать? Вот чего, спрашивается, она надулась? Денег на пир у нее не прошу, жить к ней мы не поедем, на одной кухне ей с невесткой не придется толкаться».

На следующее утро Анна Сергеевна позвонила Артему, чего до сего дня никогда не делала. Сын купил ей мобильный, но мать только отвечала на звонки.

– Никак не запомню, что делать с трубкой надо, – говорила она, – сложно мне новшеством овладеть. Сам со мной соединяйся, как ответить, я понимаю.

А тут вдруг вызов от нее. Артем испугался:

– Мама, что случилось?

И услышал в ответ:

– Тема, я всю ночь не спала, думала про твою свадьбу. Вы же, наверное, детей захотите? Привези ко мне невесту побыстрее, я должна ей правду открыть...

Снова прервав повествование, Брагин потер ладонью затылок.

– Понимаете, голос у матери дрожал, и я сообразил: она явно не в себе. Тут же рванул к ней и давай допытываться: «Мама, ты что Маргарите докладывать собралась?» А в ответ услышал какую-то чушь: «Про смерть Юрия Николаевича. Мой муж был жестоким человеком, зверем, но я его жизни не лишала. Твоя жена обязана знать правду. Иначе родить от тебя

не захочет, испугается, что у супруга убийца в роду есть, не пожелает такую генетику детям передавать». Вы когда-нибудь большую чушь слышали?

Я промолчал, и Брагин продолжил:

– Я стал объяснять ей, что никаких бесед с Ритой на тему кончины Юрия Николаевича вести не стоит. Отчим совершил суицид, есть бумага из полиции, подтверждающая факт самоубийства, и вообще не надо ворошить прошлое. Но мать уперлась: «Нет, невестке нужно знать: свекровь не преступница. Тема, я не стреляла в Юрия. Когда он на меня пистолет наставил, я ужасно испугалась. Я не могла говорить, побежала к Лене Браткиной. А потом, выйдя из больницы, словно заморозилась, хотела только спать, делать ничего не могла, мысли путались. Ты меня считал убийцей, но это неправда! Я ведь даже не знаю, куда давить надо, чтобы пистолет выстрелил. Необходимо всем людям истину объяснить!»

Артем оперся руками на подлокотники кресла.

– Я сразу проблему не понял, подумал, что мать по какой-то причине решила спектакль разыграть. Ей такое поведение несвойственно, но к старости люди меняются. Ну и отреагировал соответственно, спокойно объяснил: «Юрий погиб давно, он совершил суицид. Ни одна душа тебя в убийстве не подозревала и не подозревает. Маргарите не следует докладывать детали смерти твоего второго супруга! Плотников мне не родной отец, Риту он вообще не интересует. Давай похороним прошлое, надо жить настоящим и радоваться». Мама притихла. Я решил, что она образумилась, и успокоился. Думаете, это конец истории? Как бы не так! Все только начиналось!

Глава 5

За неделю до свадьбы ему позвонили из адвокатской конторы. Приятный женский голос спросил:

– Артем Глебович Брагин? Ваша мама, Анна Сергеевна Плотникова, находится у нас.

– Что случилось? – занервничал Артем.

– Вам лучше сюда побыстрее подъехать, – ответила дама. – Меня зовут Мария Алексеевна Ключева, запишите адрес...

Артем испугался еще сильнее и помчался на Старый Арбат.

Мария Алексеевна оказалась хорошо одетой эффектной брюнеткой лет сорока пяти.

– А вот и ваш сын! – обрадованно воскликнула она, увидев вошедшего в кабинет Брагина. – Анна Сергеевна, дорогая, успокойтесь.

Плотникова закрыла лицо руками.

– Зачем вы Тему позвали? Где прокурор? Я готова ему правду рассказать.

– Мама, что ты несешь? – оторопел Брагин.

Мария Алексеевна укоризненно кашлянула и крикнула секретарше:

– Катя, подойди сюда! Приготовь нам, как обычно... – Потом адвокат ласково произнесла: – Анна Сергеевна, хотите чаю? Есть вкусное печенье, конфеты, зефир. Катюша сейчас все принесет.

Мать посмотрела на сына.

– Тема, я не убивала Юру! Мария Алексеевна пообещала, что вот-вот приедет прокурор, который уладит дело.

– Прокурор? – подскочил Артем. – Какого черта!

Ключева быстро написала на бумажке несколько слов и протянула ее Брагину. Тот взял листок и прочитал: «Это наш сотрудник. Не волнуйтесь. Он знает, как поступить». Не успел Артем перевести дух, как в кабинет вошел стройный мужчина и строго сказал:

– Я прокурор. Кто меня искал?

– Уважаемый Александр Семенович, к вам пришла Анна Сергеевна, – объявила Мария Алексеевна.

– Посторонним надо покинуть кабинет, – распорядился «прокурор».

Адвокат поманила Артема.

– Что происходит? – стараясь говорить спокойно, спросил Брагин в коридоре.

Ключева тронула его за локоть.

– Понимаю вас, как никто другой, ведь моя мама тоже под конец жизни страдала слабоумием. Я сразу поняла проблему, как только Анна Сергеевна начала рассказывать свою историю. Она заявила, что не убивала мужа. Она убежала, когда супруг на нее пистолет навел, а сосед, милиционер, ей не поверил, составил бумагу о суициде Плотникова. Но Юрий не мог с собой покончить, его кто-то лишил жизни, надо искать преступника, чтобы обелить Анну Сергеевну. Усопший теперь ее в покое не оставляет, является по ночам, ищет справедливости.

– Кто и куда является? – опешил Артем.

На лице Марии Алексеевны возникло выражение сострадания.

– Супруг Анны Сергеевны, как я поняла из ее сбивчивых речей, был не простым человеком, и его кто-то застрелил. Сейчас мертвец после полуночи приходит к вдове и требует найти убийцу.

Брагин изобразил удивление.

– Все было не так! Юрий Николаевич застрелился, мама нашла его тело, у нее произошел нервный срыв. Одного не пойму: зачем она к вам-то поехала? Откуда адрес взяла?

Мария Алексеевна села на подоконник.

– Я задала Анне Сергеевне тот же вопрос. Она пояснила, что очень испугалась, когда муж впервые явился ей во сне, и пошла посоветоваться с соседкой Ангелиной, та медиум.

– Мать поддерживает отношения с живущей рядом теткой? – изумился Брагин.

– Так получается из ее слов, – кивнула адвокат. – Ангелина вызвала дух покойника и...

– Сил нет слушать этот бред! – простонал Брагин.

– Они решили, что Анне Сергеевне нужно ехать к адвокату. Тот найдет убийцу Юрия Плотникова, и призрак перестанет тревожить вдову, – договорила Ключева.

– У идиоток в голове вместо мозгов мочалка, – разозлился Артем. – Убийц ищет полиция!

– Обе женщины пожилые, – встала на защиту старушек Мария Алексеевна, – любят криминальные сериалы, а сейчас как раз показывают фильм про защитника, который, желая спасти клиента, работает заодно детективом. У Ангелины была визитка нашей конторы, Анна Сергеевна ее взяла и отправилась в путь, попала ко мне, я сегодня дежурю. Не ругайте маму, она не виновата, это старость. Ей необходим постоянный уход, надо нанять компаньонку. В противном случае Анна Сергеевна продолжит бродить по соседям, рассказывать им всякую чушь. Может звонить вашим друзьям, коллегам, и вы попадете в щекотливое положение – придется всем объяснять, что ваша мать не совсем нормальна. Поверьте, я через это прошла. Очень неприятно, но куда деваться, сначала мама о вас заботилась, теперь черед сына обеспечить ей счастливую спокойную старость.

Артем поблагодарил Ключеву за участие, повез мать домой и разволновался еще сильнее. Всю дорогу Анна Сергеевна твердила про Юрия Николаевича, который хочет справедливости, припевом повторяя фразу: «Я его не убивала, теперь точно вспомнила! Просто убежала, когда муж пистолет достал!» Похоже, адвокат права, у матери неожиданно съехала крыша, одну ее оставлять нельзя, она перебаламутит соседей, по дому поползут сплетни.

И Брагин принял решение поместить мать в пансион, где живут пожилые люди, неспособные самостоятельно себя обслужить.

– Это не муниципальный дом престарелых, – оправдывался он сейчас, – не убогое место, где издеваются над стариками, не приют для бедных, а частное заведение с прекрасными условиями. Мама живет в просторной отдельной квартире на всем готовом, там отличное питание, бассейн, библиотека, парк для прогулок. Все хорошо... кроме цены, которая ощутимо бьет по карману.

Артем замолчал, и Макс толкнул его в бок.

– Договаривай.

Брагин опустил голову.

– Понимаете теперь, почему я испугался, когда отец Маргариты решил познакомиться с моей матушкой? Не знал, как поступить, но, видно, кто-то мне на небесах ворожит – Леонид Мартынович скоропостижно умер. Через неделю после его похорон я сказал Рите, что моя мать тоже скончалась. Невеста, потрясенная смертью своего отца, произнесла приличествующие случаю слова и тут же забыла о незнакомой старушке. А на мои плечи тяжелым бременем упали ежемесячные платежи. Я неплохо зарабатываю, однако отдавать каждое тридцатое число внушительную сумму накладно. Но я выкручивался и даже успокоился, в пансионе мать может нести любую чушь, ничего из ее слов за пределы заведения не вытечет. Мы с Ритой поженились, я был счастлив, считал, что все устаканилось. У нас с Маргаритой прекрасные отношения, супруга стала успешным бизнесменом, я тоже не нищий, мы уважаем друг друга, хотим завести детей. Ну да, я солгал Рите про смерть мамы, но сделал это ради нашего общего блага. А Анна Сергеевна прекрасно устроена. Я хороший сын и отличный муж – позаботился о душевном спокойствии Риты и о комфорте для матери. Казалось, все прекрасно. И вдруг три недели назад подходит ко мне Владимир, официант, и протягивает конверт.

– Официант? – повторил я.

Артем оперся локтями на колени.

– Я человек привычек, обедаю в одно и то же время в кафе неподалеку от офиса, там вкусно и недорого кормят. О том, что с двух до трех я бываю в «Синей рыбке», знают все сотрудники, но они меня не беспокоят, знают – я люблю трапезничать в одиночестве. Мне действительно не нравится, когда приходится с кем-то болтать во время еды, предпочитаю в это время читать книгу. Поэтому никто ко мне в компанию не навязывается, на мобильный не звонит. Обед – мой отдых. До четырнадцати и после пятнадцати я доступен для всех, решаю массу вопросов, но этот час только мой. И вдруг подошел Владимир со словами: «Для вас оставили письмо». На конверте не было никаких надписей, внутри лежала флешка.

Артем опять прервал рассказ и посмотрел на Макса.

– Покажи Ивану, – кивнул Воронов.

Брагин вынул из сумки тонкий ноутбук, открыл его, повернул экраном к нам с Максом, и я услышал звуки, которые мой отец, писатель Подушкин, называл «загробными». Павел Иванович часто ходил в консерваторию, а еще у него было развито чувство юмора. В советские годы композиторы, создававшие музыку для кинофильмов, частенько использовали два приема: если нужно было подчеркнуть тревожность эпизода, за кадром раздавалось нечто смахивающее на скрежет, а когда погибал главный герой, принималась рыдать скрипка и женские голоса выводили: «А-а-а-а». Первую мелодию папенька окрестил загробной, вторую именовал хором советских ангелов.

Экран компьютера стал голубым, появилась нарисованная картинка, начался мультфильм. Я увидел самую обычную гостиную с дешевой мягкой мебелью, обитой темным материалом, на диване и двух креслах лежали бежево-коричневые ковровые накидки с восточным орнаментом. При взгляде на них я невольно улыбнулся: Никоlette скорее умрет, чем постелет в своей квартире нечто подобное, но в комнате у ее домработницы по сию пору есть точь-в-точь такая красота.

Ракурс медленно менялся, стал виден большой телевизор, обеденный стол, покрытый самовязаной кружевной скатертью, на нем возвышалась большая хрустальная ваза без цветов. Затем показалась женщина, не толстая и не худая, с короткой стрижкой. Мультик был сделан на компьютере, лицо дамы нарисовано подробно, ей, наверное, лет пятьдесят пять. Хотя, может, и меньше, вероятно, она просто выглядит как пенсионерка. Дама в бордовом байковом халате что-то пишет в тетради. Камера крупным планом демонстрирует ходики с гириями, стрелки показывают четыре тридцать. Судя по солнцу за окном, на дворе день.

Раздается барабанная дробь. В гостиной появляется новый мультиперсонаж – сухощавый мужчина в брюках и пуловере.

– Сука!.. – орет он. – Какого хрена ты сидишь? Отвечай, жена!

– Доклад для семинара библиотекарей составляю, – испуганно лепечет супруга.

Мужик переходит на матерные выражения.

– Юра, не сердись, – пытается утихомирить хама спутница жизни.

Но негодяй лишь сильнее распаляется, бросается на нее, хватая за волосы, стаскивает со стула и начинает бить кулаками в живот. Несчастная даже не пытается вырваться. Становится ясно: она давно привыкла к побоям и понимает, что ей не справиться с озверевшим садистом, надо просто дожидаться, пока тот выдохнется. Наконец мерзавец ослабляет хватку. Женщина выворачивается из его рук и убегает. А ее мучитель хватается со стола вазу и кидает вслед беглянке, хрустальное изделие вылетает в открытую дверь комнаты, раздается звон. Мужик подходит к дивану, ложится на него и засыпает.

Экран мигает, камера снова фокусируется на ходиках: пять часов тридцать минут. За окном уже не видно солнца. Мультишный дядька храпит на диване. В гостиную входит его жена с пистолетом в руке. Она приближается к спящему, некоторое время стоит молча, потом поднимает руку... Голова мужчины взрывается, в разные стороны летят брызги крови и

ошметки чего-то бежево-желтого. Женщина замирает, потом, отбросив пистолет в угол гостиной, громко кричит и убегает.

Экран на мгновение темнеет. Снова крупным планом видны ходики, на них ровно десять. И нет сомнения, что это утро, потому что за окном опять появилось солнце, но в левом углу, а не в правом, как в первой сцене. Труп мужчины лежит на диване, но поза слегка изменена – одна рука вытянута вдоль тела, а вторая свисает, пальцы касаются пола, и возле них валяется пистолет. Три стула придвинуты вплотную к столу, один стоит на небольшом удалении. На секунду изображение исчезает, потом появляется текст:

«Артем Глебович! Ваша мать, Анна Сергеевна, убила своего мужа Юрия Николаевича Плотникова. Начальник милиции Григорий Петрович Браткин представил это как самоубийство, но была допущена ошибка. Милицию в квартиру матери вызвали вы, сообщили дознавателям: «Хотел сделать сюрприз отчиму и маме, приехал без предупреждения рано утром, чтобы поздравить их с годовщиной знакомства. Привез им хрустальную вазу, купил ее в антикварном магазине. Я открыл дверь своим ключом, вошел в гостиную, увидел на диване труп отчима, уронил подарок и кинулся искать маму».

На месте происшествия были сделаны фото, на одном из них запечатлена прихожая, в которой валяются осколки. Вопрос: почему они там? Ведь, по вашим словам, Артем Глебович, вы разбили вазу, увидев труп в гостиной. Ответ: ваза разлетелась на куски, когда Плотников швырнул ее в спину убежавшей жене. Она пролетела через проем двери и разбилась в прихожей. Григорий Браткин, изменяя место происшествия, решил не убирать осколки, которые, по его мнению, должны были послужить иллюстрацией к лживому рассказу сына убийцы, подтвердить его ошеломление. Ни начальник милиции, ни вы не сообразили: крошево разбросано у входа в комнату, а тело на диване. Господин Брагин не мог выпустить вазу из рук, едва войдя в квартиру, от вешалки трупа не видно. Начальник милиции допустил ошибку, но тогда ее никто не заметил. Никто, кроме меня. Я знаю, что вы сделали. Я знаю все. Анна Сергеевна убила мужа. Правда скоро выйдет наружу. Чтобы избежать позора, вам лучше повеситься».

– И чего хочет шантажист? – задал я напрашивающийся вопрос. – Какую сумму?

Брагин отвернулся к окну.

– В том-то и дело, что об этом – ничего. Странно, да? – ответил за приятеля Макс.

– Необычно, – согласился я.

– Никаких требований до сих пор не озвучено, – еле слышно сказал Артем. – Думаю, он меня преследует, решив довести до самоубийства. Все люди твердят: «Вам лучше повеситься».

Глава 6

Я хотел спросить, о ком сейчас говорит Брагин, что за люди ему велят удавиться, но не успел, вмешался Макс.

– Артем пришел ко мне и попросил о помощи. Однако я не могу официально заниматься его проблемой. Брагин не желает, чтобы Маргарита узнала правду об Анне Сергеевне и что свекровь жива, а это станет известно, если вмешается полиция.

Бизнесмен закрыл ноутбук.

– Буду предельно откровенен. Жена богаче и успешнее меня. Ей в наследство достались все капиталы и бизнес отца, которым Рита теперь руководит. Я полюбил тихую скромную девушку, которая мечтала о крепкой семье и детях. Но за время, прошедшее после кончины Леонида Мартыновича, Маргарита открылась с иной стороны. Она оказалась совсем даже не слабым, не зависимым, а жестким и хватким деловым человеком, способным принимать решения и нести за них ответственность. О детях супруга перестала заговаривать. На мои намеки, что нам пора подумать о малыше, она отвечает: «Конечно, но чуть позднее, сейчас нестабильная ситуация на рынке, я не могу уйти в декрет». Некоторое время назад я, не сдержавшись, вскипел: «Прежде чем в России все устаканится, пройдет лет сто, поздновато будет наследниками обзаводиться». Мы поругались. Но в конце концов Рита пообещала родить.

Более того, как человек обстоятельный, прежде чем забеременеть, жена прошла полное медицинское обследование, меня тоже отправила по врачам, среди которых был и психиатр. Получив результаты, супруга сначала обрадовалась – и у нее, и у меня оказалось крепкое здоровье. Но потом занервничала. «Дорогой, твой отец и мать скончались, долго не прожив. Вдруг у них были серьезные физические или психические проблемы? Наши дети получают плохие гены». Я, обозлившись, выдал тираду: «Мой отец стал жертвой пьяного шофера, который сбил его, когда тот возвращался домой с пробежки. Папа был кандидатом наук, активно занимался спортом, никаких болезней не имел. Мама работала библиотекарем, она утонула в реке, со дна которой били ледяные ключи, у нее свело ноги».

Артем сдвинул брови.

– Про отца – чистейшая правда, про мать, как вы понимаете, нет. Но заявление Риты меня возмутило до глубины души, поэтому я добавил: «А вот с твоими предками не так хорошо – мать ушла из жизни, не справив сорокалетия, не выдержала операции по удалению желчного пузыря, а Леонида Мартыновича убил тромб. С чьей стороны кривая генетика?» – «Зато я могу подтвердить, что у нас не было в роду ни психов, ни воров, ни убийц, ни насильников, – вспыхнула Маргарита. – Мне известна моя родословная с тысяча шестьсот пятнадцатого года, в нашей семье одни достойные люди. А ты знаешь, кем были твои прадеды?» Понимаете, Рита из клана купцов, у нее есть здоровенная, прямо-таки амбарная книга, в которой главы семейств Осиповых, начиная с семнадцатого века, записывали даты рождения детей, куда те отправлялись учиться, с кем и когда заводили семью, от чего умирали родственники. Когда из жизни ушел Леонид Мартынович, сообщение о его кончине внесла в фолиант Маргарита, она на самом деле может рассказать о своих предках. Я же понятия не имею, чем занимались бабушка и дедушка отца, да и по материнской линии могу сообщить лишь самые общие сведения. Мама о своих родителях ничего не рассказывала, знаю лишь, что она в пять лет очутилась в детдоме после того, как ее отец с матерью погибли в железнодорожной катастрофе.

Брагин поморщился.

– Так мне тогда обидно стало, что Рита своим происхождением кичится, а я вроде как без роду-племени, вот и крикнул в запале: «Твои родичи в лавках барахлом торговали, нечему тут особенно радоваться. А мои пращуры купцов в парадные комнаты не впускали, торгаши в их дворцах дальше кухни не проходили». Понимаю, это глупо, но сорвалось с языка. Мар-

гарита расхохоталась: «Ты из Шереметьевых? Или из великих князей? Потомок царей?» Нет бы мне остановиться, но ехидный смех жены еще больше меня разозлил, я окончательно потерял самообладание и начал врать: «Фамилия моих предков Бракендорф. После коммунистического переворота они превратились в Брагиных и жили, скрывая дворянское происхождение. Ты книгой, начатой в тысяча шестьсот пятнадцатом году, гордишься, а у меня родословная аж со времен Ивана Калиты³». Когда эта ерунда с языка слетела, я сразу пожалел, что не сдержался, а Маргарита опять захохотала. «Врешь! Твоя мать под забором родилась, а отец в сточной канаве захлебнулся!»

– Это уж слишком, – покачал я головой, – есть слова, которые нельзя произносить.

Артем вынул из сумки баллончик и пшикнул в рот.

– У вас астма? – проявил я праздное любопытство.

Брагин спрятал лекарство.

– Нет, это от нервного спазма. Мы с Маргаритой в тот вечер поругались, спать легли в разных комнатах. Утром супруга мне ультиматум предъявила: или я ей родословную показываю, или она на развод подаст. Ледяным тоном вещала: «Могу простить все, кроме лжи. Человек, который сегодня соврал, непременно набрешет и завтра. Обман – самое страшное, что может быть в семье. Подумай об этом. Я улетаю на неделю по делам в Тюмень, вернусь во вторник. Сведения о твоём происхождении должны лежать на столе». И как бы вы поступили?

– Не могу дать однозначный ответ, – признался я. – Мне трудно представить себя в подобной ситуации.

Артем стукнул кулаком по подлокотнику.

– Сначала мне захотелось послать жену далеко и надолго. Кем она себя возомнила? Ишь, великая бизнесвумен! Ритке дело готовым от отца досталось, катится сейчас по инерции на хорошо смазанных колесах. В общем, я пошел в гардеробную, стал вещи в чемодан кидать – и замер. Идти-то некуда! Двушка, которую я купил в Москве, сдается. Кроме того, моя фирма переживает не лучшие времена, доходы падают, мне Марго помогает инвестициями... Одним словом, разум победил гордость. И я ведь люблю жену, хочу от нее детей, мы просто поругались, наговорили друг другу ерунды. Мужчине надо быть умнее. И еще момент. Год назад у одной моей сотрудницы родился ребенок с неизлечимой генетической болезнью. Врачи сообщили, что недуг передается по родственной линии, заразиться им нельзя, это не грипп. Рита тогда очень испугалась, сказала мне: «Дети как подарки, которые из мешка не глядя вынимаешь. Непонятно, что вытащишь, красивую куклу или пустой фантик». Жена очень тревожный, эмоциональный человек, мне следовало помнить об этой черте ее характера и не врать так глупо.

Брагин опять полез в сумку, но на сей раз добыл блистер с таблетками и быстро проглотил лекарство.

– И как ты выкрутился из непростой ситуации? – заинтересовался Макс.

Артем показал пальцем на ноутбук.

– Порылся в интернете и нашел Елизавету Фочкину, доктора исторических наук, профессора. Она зарабатывает составлением фальшивых родословных. Ученая дама не подвела, быстро составила классные бумаги, придаться к ним невозможно.

– Ну и ну! – пробормотал Воронов. – Мне ты о данной акции, когда помочь просил, ничего не рассказывал.

– Так нечем тут хвастаться, – поморщился его приятель.

– Наверное, обзавестись благородной родней – недешевое удовольствие, – предположил я.

³ Иван I Данилович Московский, годы царствования 1282–1340. Был прозван Калитой за бережливость. Древнерусское слово «калита» означает «денежный мешок».

– Фочкина запросила прилично, – согласился Брагин, – и в моем случае сумма оказалась выше, чем обычно, из-за спешности. Мне ведь готовые документы требовались к возвращению жены. Но не в деньгах проблема.

– А в чем? – одновременно спросили мы с Максом.

– Фочкина сразу попросила сведения о моих родителях. Ну, те, что я знал, – дата, год рождения... – после короткой паузы заговорил Артем. – Она всегда так поступает, потому что некоторым клиентам и не нужно бывает придумывать прошлое, заказчики на самом деле оказываются дворянами, просто не знают об этом. А у меня вылезла на свет гадость. Выяснилось, что моего родного отца звали не Глеб Сергеевич Брагин, а Федор Анатольевич Пискунов и он погиб вовсе не под колесами, а умер в заключении, где отбывал срок за несколько убийств. Мать не хотела, чтобы я знал правду, поэтому переехала из Тюменской области, где я родился, в Плавск. Я был маленьким, отца совсем не помнил. Во втором классе нам задали написать сочинение на тему «Мои родители», и я начал расспрашивать маму, просить фотографии, чтобы украсить свою работу. Вот тогда она и сообщила: «Твой папа трагически погиб. Мы раньше жили на Урале, а когда переезжали, у нас украли часть багажа, семейные снимки пропали».

– Подождите, Урал – это не Тюменская область, – перебил я Артема.

– Верно, – согласился тот, – мать мне наврала, я был восьмилеткой, никаких сомнений в правдивости ее слов у меня не возникло. И в моей метрике указано: отец – Глеб Сергеевич Брагин, место рождения – городок Первомайск. Населенных пунктов с таким названием в России много. Начав работать по моему заказу, Фочкина обнаружила, что Глеб Сергеевич Брагин – родной брат Анны Сергеевны. Ну а затем пошел разматываться клубок... Я на самом деле появился на свет в Первомайске, но это не город в районе Уральских гор, как мне насвистела мать, а небольшой поселок в Тюменской области. Фочкина подумала, что без особой причины женщина родного брата отцом своего сына не запишет, и предположила два варианта: либо Анна не знала, от кого произвела на свет мальчика вне брака, либо биологический отец малыша совершил нечто плохое. Фочкина, запросив архив газеты того Первомайска, где я родился, наткнулась на репортажи об убитых женщинах, о поисках милицией преступника, о поимке некоего Федора Пискунова, о суде над ним. Там был и рассказ о том, как местное население побило окна в доме, где жила семья насильника, требуя, чтобы жена Пискунова и его крошечный сын покинули городок. «Волчонок вырастет, пойдет учиться в школу с детьми убитых его отцом жертв! – кричала толпа. – Это издевательство!» То есть мать буквально выгнали из Первомайска. Хотя небось она сама поняла, что надо уносить ноги. Как ей удалось поменять мою метрику, вписать туда вместо Пискунова своего брата, Фочкина понятия не имеет. Мне ученая дама сказала: «Скорей всего, кто-то в загсе сделал это за взятку. Странно, что место вашего рождения заодно не изменили, оно осталось подлинным, а могли ведь указать какой угодно город, и я бы ничего не развела. Я точно знаю, что Брагина сначала перебрасали на Дальний Восток, оттуда в Мурманск, затем в Астрахань. Нигде дольше года женщина не задерживалась, путала следы. Когда сынишке исполнилось четыре года, Анна Сергеевна осела в Плавске».

Артем, тяжело вздохнув, обвел нас с Вороновым грустным взглядом.

– Отличная у меня оказалась генетика, не правда ли? С одной стороны – папенька, на руках которого кровь почти тридцати изнасилованных и убитых им женщин, с другой – маменька, пристрелившая Юрия Николаевича Плотникова. И какая женщина согласится рожать детей от человека из семьи преступников?

Глава 7

– Сын за отца не отвечает, – вспомнил я историческую фразу⁴.

– Пафосная демагогия! – вскипел Брагин. – Скажите-ка людишкам, что ваш отец серийный маньяк, да посмотрите на их реакцию... и Маргарита никогда бы не поверила, что я не знал правды о Пискунове, бросила бы меня, не пожелав жить с отпрыском убийцы. В общем, я купил у Фочкиной красивую родословную, показал ее Рите, она бросилась мне на шею, и мы помирились. Понимаете?

Я кивнул.

– Вы похоронили правду, а та вылезла из-под надгробья – пришла флешка с мультфильмом.

Кивнув, клиент опять начал рыться в сумке.

– Когда я устроил мать в пансион, с деньгами у меня стало трудно. У нас с женой так повелось, что совместный отдых оплачиваю я. Живем мы на средства, заработанные супругой, а расслабляемся на мои. Я стараюсь накопить, чтобы слетать в интересные места, мы побывали в Кении, на Маврикии, на Галапагосских островах. Но в этом году интернат опять поднял цену, у меня на счетах маленькая сумма, а Рита планирует на зимние каникулы посетить Австралию, куда на одних билетах разоришься, жена ведь летает только бизнес-классом. Придется брать в долг. Ясно, в каком я настроении?

Артем снова пшикнул себе в рот из баллончика. Макс воспользовался тем, что он замолчал:

– Некто знает правду про убийство Плотникова, и сейчас этот человек издевается над тобой.

– Изохренным образом, – подхватил Брагин. – Слушайте, что дальше было...

Через неделю после получения письма я пошел в супермаркет. Брожу по залу, складировать продукты в тележку. Время позднее, магазин пустой, играет музыка. Вдруг мелодия стихает, и нежный женский голос произносит: «Артем Брагин, я знаю, что сделала Анна Сергеевна. Скоро всем это расскажу. Чтобы избежать позора, вам лучше повеситься». У меня по спине пот потек, я уронил пакет, который в руке держал. Забыв про тележку, поспешил к кассе, спросил: «Где вход в радиорубку? Хочу объявление заказать». У микрофона сидел парень. Я на него накинулся с вопросами, потребовал сказать, что за женщина недавно выступала. А тот удивился: «Вам показалось. Я тут один, последний человек ко мне заходил в двадцать ноль семь. У нас все строго, если хотите, чтобы информация прозвучала в эфире, сначала оплатите ее, я занесу ваши данные в журнал, прикреплю чек. Это в случае, если граждане, например, просят ребенка найти. А когда кто-то хочет свой товар прорекламировать, надо обращаться в пиар-отдел. Никаких баб сегодня вообще не было, одни мужики приходили, трое. И объявления я делаю сам, заказчики к микрофону не допускаются».

Больше никакой информации я от парня не добился. Вышел из радиорубки и поинтересовался у кассирши, слышала ли она женский голос, делавший странное объявление. Девушка отмахнулась: «Целый день то музыка, то реклама крутится, я на это внимания не обращаю, иначе с ума сойдешь».

Спустя еще неделю меня тормознул гаишник. Поймал на МКАДе, потребовал права предъявить, багажник открыть. Никаких нарушений не обнаружил, вернул документы и козыр-

⁴ Слова И. В. Сталина (1878–1953), сказанные им 1 декабря 1935 г. на совещании комбайнеров. Выступавший А. Тильба заявил: «Хоть я сын кулака, но я буду честно бороться за дело рабочих и крестьян». – «Сын за отца не отвечает», – перебил его И. В. Сталин. Увы, последовавшие позже репрессии продемонстрировали иное. (Примеч. авт.)

нул: «Артем Глебович, следуйте по своему маршруту. Я знаю, что сделала Анна Сергеевна, скоро об этом всем расскажу. Чтобы избежать позора, вам лучше повеситься».

Я растерялся, онемел-остолбенел. А гаец тем временем сел в служебную машину, сирену включил и унесся. Придя в себя, я добрался до поста ГИБДД, зашел в будку, где сидели двое полицейских. Сказал: «Парни, меня пять минут назад один из ваших тормознул и хрень понес. Похож на пьяного, вытащил из моих прав фотку жены с ребенком, забрал ее себе. Можно найти этого патрульного?» Они мне стали вопросы задавать: как фамилия сотрудника, номер его машины, есть ли свидетели происшествия, потребовали внешность описать.

А я стою дурак дураком. Мужик тот представился скороговоркой, тачка у него была с «люстрой», на номер я не посмотрел. И морду его не разглядел, помню только, что фуражка на башке была. Про свидетелей вообще смешно, поток машин мимо несся.

Прошла пара дней. Я из кафе, где обедаю, вышел, ко мне на улице девочка подбежала лет тринадцати, пропищала: «Скажите, пожалуйста, где переулок Звонкова?» Я, кретин, давай объяснять. Она внимательно выслушала, поблагодарила, отошла на пару шагов и вдруг крикнула: «Дяденька, я знаю, что сделала Анна Сергеевна. Всем об этом расскажу. Чтобы избежать позора, вам лучше повеситься». А затем шаст в метро. Я опять обомлел. Но вскоре в себя пришел, бросился за ней в подzemку, надеясь догнать, да куда там...

Артем махнул рукой и замолчал.

– Девочка своего имени не назвала, никаких особых примет мой друг не помнит, одежду и внешность описать затрудняется, – добавил Воронов. – Но это еще не все. Тема, расскажи про Емелькину.

Брагин потянулся к сумке.

– Хватит таблетки жрать, – остановил его Макс, – это же не конфеты. От того, что химии наглотаешься, лучше не станет, наоборот, совсем голова варить перестанет.

– Кто такая Емелькина? – спросил я.

– Оксана Федоровна, мой главбух, – мрачно объяснил Артем. – Я после встречи с той девчонкой покой потерял, от каждого телефонного звонка дергался, спать перестал, купил таблетки от нервов. В пятницу пришла ко мне в кабинет Емелькина, начали мы дела обсуждать. Часа полтора потратили, потом она документы собрала, к двери потопала. А на пороге обернулась и выдала: «Артем Глебович, я знаю, что сделала ваша...» Договорить Емелькина не успела, я на нее бросился, принялся за плечи трясти, закричал: «Говори, сука, кто тебя нанял меня доводить? Имя назови!» Она вырываться стала, завизжала, бумаги выронила. Лена, моя секретарша, без разрешения в кабинет внеслась, затем юрист Сергей примчался, меня от главбуха оторвал и увел ее. Лена, не посоветовавшись ни с кем, вызвала «Скорую». Хорошо хоть ума хватило не в муниципальную службу обратиться, а в ту, где у нас с женой полис куплен. Уж не знаю, чего мои подчиненные доктору наболтали, но тот сразу завел: «Вам нужно обратиться к невропатологу...»

Брагин вновь выхватил из сумки баллончик и судорожно запшикал себе в рот.

– Идиот в халате укол мне вкатил, я лег на диван и заснул, примерно на час. Потом очухался, умылся, поспешил к Емелькиной. Она, как меня увидела, ногой под столом задержала. Я сразу понял: охрану хочет вызвать, тревожную кнопку на шаривает. Сказал ей тихо: «Прости, Оксана, не знаю, что случилось. Можешь сказать, что ты после совещания в кабинете сказать собиралась?» И что выяснилось? У нас работает Галя Макарова, одинокая мать, сынишку без алиментов воспитывает, я ей симпатизирую. Нет, нет, никакого секса, простое человеческое сочувствие. Я сам из неполной семьи, знаю, как женщины жили рвут, чтобы ребенка прокормить-одеть-выучить. Макарова не лучший сотрудник, не очень внимательна, но я, если ее ошибку увижу, вызову Галю к себе, пропесочу по-тихому, и все. Остальные-то служащие за огрехи на собрании по полной получают, их штрафуют, а у нее деньги не срезают. Не поднимается у меня рука и так от не очень большой зарплаты кусок отхватить. До главбуха

неведомыми путями дошло известие об очередном косяке Галины, вот она и решила мне в глаза правду сказать: «Я знаю, что сделала ваша любимица – перепутала стройплощадки, взяла пробы грунта не там, где следовало».

– М-да, конфуз получился, – подытожил я.

Артем показал на пульт, лежащий на письменном столе.

– От кондиционера? Можете включить? Жарко очень.

– Лучше форточку приоткрою, – сказал Макс и направился к окну.

Брагин поежился.

– Я в тот же день обратился к врачу, тот навывписывал таблеток, а от них у меня сонливость появилась. Отправился к гомеопату, получил этот спрей, вроде ненадолго помогает. Еще пилюли из трав глотаю. Но мне все равно нехорошо, я постоянно жду встречи с кем-то вроде того гаишника или девчонки, в магазин хожу с опаской, радио в машине не включаю, телевизор смотреть перестал. Повсюду мерещатся люди, которые ухмыляются, перемигиваются, шепчут: «Я все знаю...» Сегодня вышел из ванной, слышу – мобильный трезвонит. На дисплее номер странный, много нулей. Но ко мне ведь заказчики со всей страны обращаются. Беру трубку, а там шепот: «Артем Глебович, я знаю, что сделала Анна Сергеевна. Всем скоро расскажу. Лучший для вас способ избежать позора – повеситься». У меня аж в глазах потемнело. Рита кричит: «Тема, иди завтракать!» А у меня ноги к полу приросли. Еле в себя пришел, есть-пить не стал, на работу полетел. Велел службе безопасности выяснить, кто звонил. Секьюрити сообщили: «С вами связались из телефона-автомата на вокзале, ничего об абоненте сказать невозможно». Я отключил трубку, поменяю номер сотового. Максим по понятным причинам помочь мне не может. Он посоветовал обратиться к вам. Иван Павлович, необходимо отыскать сволочь. Возьметесь?

Следующие пятнадцать минут мы утрясали финансовые и другие вопросы, потом Артем спросил:

– Как действовать станете?

– Четкого плана пока нет, – ответил я, – надо подумать. Гаишника и девочку я навряд ли найду, а вот официанта из кафе и радиста супермаркета хорошенько расспрошу. Скажите адреса кафе и магазина.

– Ресторан находится на Третьей Полянской, прямо у многоэтажного бизнес-центра, гастроном на улице Краснова называется то ли «Незабудка», то ли «Тюльпан». Можно воспользоваться вашим туалетом? – на едином дыхании выпалил клиент.

– Третья дверь налево от кабинета, – пояснил я.

Артем вскочил и, не забыв прихватить сумку, испарился.

– И как тебе Брагин? – полюбопытствовал Макс.

Я вынул из стола печать.

– Или у него мания преследования, или кто-то правда хочет довести мужика до суицида.

– Артем никогда не был психом, – поспешил возразить друг. – Мы раньше много общались, я бы заметил отклонения.

– Душевный недуг не всегда врожденный, он может проявиться спустя много лет после того, как ребенка принесли из роддома, – вздохнул я.

– Звучит обнадеживающе, – хмыкнул Воронов. – Ты уж постарайся, Брагин хороший мужик.

– Странно, что ты раньше меня с ним не знакомил, – запоздало удивился я. – Ни разу Артема на твоих днях рождения не видел.

Воронов встал.

– Жизнь нас развела, в последние годы мы с ним лишь созванивались.

Я шлепнул на договор с клиентом печать.

– И ты никогда о Брагине не упоминал. Вот, например, Геннадий Полубояринов. Мы с ним тоже за одним столом не сидели, но я в курсе, что он недавно машину новую купил, что у него родился сын. Или Степан Кривицкий. Тоже ни разу в лицо его не видел, однако слышал от тебя про его развод с женой, знаю, как ты ему адвоката искал, не хотел, чтобы супруга Степана на улицу выперла. А в отношении Брагина тишина.

– Ваня, вокруг меня полно людей, о которых ты понятия не имеешь, – улыбнулся Макс. – Зато я всегда тебе о своих бабах докладываю, и если новая появляется, сразу ее демонстрирую. А как поступаешь ты? Шифруешь почище Штирлица! Сколько раз я тебе звонил вечером, спрашивал: «Чего поделяваешь?» И слышал: «Спать лег». А фоном к разговору слышал тихий женский смех.

– Просто я не считаю нужным сводить тебя с дамами, которые являются малозначимым эпизодом в моей жизни, – начал оправдываться я. – С некоторыми женщинами у меня романы больше трех месяцев не длились.

– Девяносто дней. Это же почти брак! – засмеялся Воронов. – Интересно получается: ты не желаешь меня с подружками знакомить, а я забыл тебе доложить про приятеля, с которым сто лет не встречался... Короче, не хватает в наших отношениях доверия. Хочешь поговорить об этом? Или лучше пойдем на совместный прием к психотерапевту?

Глава 8

Прежде чем сесть в машину, чтобы ехать на встречу с Николеттой и риелтором, я зашел в аптеку и обратился к прехорошенькой блондиночке, тосковавшей за прилавком:

– У вас есть бахилы?

– Лично у меня нет, – съехидничала девушка, отчего сразу перестала мне нравиться, – а в аптеке есть. Сорок рублей десять штук, по одной паре не продаем.

– Отлично, дайте упаковку, – попросил я. – Но сначала разрешите посмотреть на товар.

– Хотите познакомиться с бахилой? – хихикнула блондинка. – Невесту себе подыскиваете? Между прочим, я не замужем.

– Такая красивая девушка, как вы, долго одинокой не останется, – галантно заметил я. – Просто меня просили приобрести вариант для туфель с каблуками, обычный не нужен.

– А бывает такой? – удивилась провизор. – Виктор Анатольевич!

Из-за двери позади прилавка высунулся пожилой мужчина в круглых очках.

– В чем дело, Наталья?

– Вот он хочет бахилы на каблуке, – заявила девушка.

Виктор Анатольевич подошел к кассе.

– Наталья, ступайте в мой кабинет и вежливо отвечайте на звонки по телефону, я сам займусь покупателем.

– Да пожалуйста, мне забот меньше! – фыркнула подчиненная и умчалась.

– Извините, молодой человек, – тоном шпрыхштальмейстера⁵ произнес старик, – современное юное поколение бесцеремонно, к тому же дурно воспитано. Учю, учю Наташу не произносить фраз вроде «вот он хочет», старательно объясняю, что это невежливо, нужно сказать, ну, например, «мужчина желает приобрести» или «посетителю нужно». Но, как говорится, не в козу корм. Вы пришли за бахилами?

– Да, но не за простыми, а за такими, которые надевают на женскую обувь с каблуком, – объяснил я.

Виктор Анатольевич отвернулся к стенному шкафу, в котором было множество ячеек.

– М-м-м... А кто вам о них рассказал?

Я быстро передал фармацевту свой недавний разговор с Николеттой. Он выложил на прилавок голубые, хорошо знакомые мне мешочки, потом взял ножницы, вскрыл какие-то упаковки и вытащил десять маленьких прозрачных пакетиков.

– С матушкой спорить бесполезно, женщину переубедить невозможно. Не принесете ей то, что нужно, она станет всю жизнь вспоминать, как вы проигнорировали ее просьбу. Вот вам бахилы для каблучков. Они состоят из двух частей, сначала ваша мама всунет ногу вот в эти, голубенькие. Вы аккуратно проделаете под шпилькой небольшую дырочку, а затем натянете на изобретение мадам Помпадур изделие номер два. Последняя операция: отрываете кусок двустороннего пластыря и приматываете его к каблучку. По-моему, гениально.

– Великолепно! – обрадовался я. – И не предполагал, что подобное существует.

Старичок кашлянул.

– Моя покойная матушка обижалась насмерть, если я не выполнял ее просьбу. Очень хорошо вас понимаю, поэтому постарался решить возникшую проблему. Карточкой желаете расплатиться или наличными?

Поблагодарив милого старика, я сел в машину и проверил адрес, куда надо прибыть через полчаса. Улица Солянка. Что ж, неплохой район. Хотя тот, где сейчас живет Николетта, нра-

⁵ Шпрыхштальмейстер – мужчина, ведущий цирковое представление, объявляющий номера.

вится мне больше. Но это, скорей всего, потому, что я провел там детство, юность и часть зрелости. По какой причине маменька решила переехать в другое место?

Несколько лет назад Николетта вышла замуж за Владимира Ивановича⁶. Мне он понравился сразу – немногословный, не франт, не охотник за обеспеченными вдовами, нормальный человек, с которым приятно общаться. А вот Кока, Зюка, Люка и другие заклятые подружки Николетты сначала осудили мою маменьку.

– Дорогая, он же крестьянин, – скорчила мину Кока.

– Чем занимается женишок? – поинтересовалась Зюка.

– Консервы из овощей производит, – ехидно сообщила Люка.

Зюка закатила глаза.

– Николетта! Ужас! Человек не нашего круга!

Но маменька, для которой вообще-то неодобрение светских сплетниц самое страшное наказание, все-таки пошла с Владимиром Ивановичем в загс. И лишь на свадьбе Кока, Зюка, Люка и иже с ними выяснили, что у «крестьянина» миллиардное состояние и что он до дрожи обожает Николетту, готов выполнить любой ее каприз. Теперь маменька катается на «Бентли» с шофером, одевается в Лондоне, скупает драгоценности и закатывает вечеринки, о роскоши коих гудит вся Москва. А полгода назад Николетта возжелала, чтобы у них с мужем была новая квартира, и вот уже несколько месяцев я вынужден таскаться по выставленным на торги апартаментам.

Притормозив около большого, слегка облупившегося серого дома, я перевел дух. Слава богу, успел прибыть раньше Николетты и нового риелтора, девицы по имени Настя.

Маменька меняет уже не первое по счету агентство по продаже жилья. Сначала с ней работала тетка лет пятидесяти. Она показала одни вполне приличные, на мой взгляд, апартаменты. Но Николетта быстренько пробежалась по комнатам и, процедив сквозь зубы: «Мило, очень мило», – села в мою машину.

– Тебе не понравилось? – осведомился я.

– Ужас! – закатила глаза матушка. – Сразу поняла, что эта особа не имеет ни ума, ни вкуса. Только взглянула на ее сумку и туфли, мигом ясно стало: с этой мымрой связываться нельзя. Кстати, Вава, ты обратил внимание, что у нее неуложенная голова? Мне нужен другой человек.

Я кивнул, хотя никак не мог взять в толк, коим образом отсутствие идеальной прически связано с умением подбирать жилье и какое отношение к продаже недвижимости имеют обувь и ридикюль агента. Но перечить Николетте все равно что сражаться с ветряными мельницами, а ваш покорный слуга не Дон Кихот.

Матушка обратилась в другую контору. Оттуда прислали прехорошенькое создание, смахивающее на свежую зефирку: юную аппетитную блондинку с пышной грудью и яркими зелеными глазами. Она была надлежащим образом одета, накрашена, сверкала бриллиантовыми сережками и щеголяла с сумкой Луи Виттон. Но когда очаровательное существо познакомило нас с хозяйкой продаваемой квартиры, милой пенсионеркой, та, улыбнувшись, сказала Николетте:

– Ваша внучка очаровательна.

– Мне тридцать пять лет, – прошипела маменька. – О каких внуках идет речь?

– Ох, простите, – смутилась владелица апартаментов, – я думала, девочка-красавица ваша родственница.

Думаю, не стоит объяснять, почему я больше никогда не видел зефирку с зелеными глазами.

⁶ О замужестве Николетты рассказывается в книге Дарьи Донцовой «Пикник на острове сокровищ», издательство «Эксмо».

Потом настала очередь лысого дядьки, но тот не понравился матушке отсутствием волос на голове, за ним появилась женщина лет сорока, от которой пахло дешевыми духами. И вот сейчас у нас некая Настя, хотя, думаю, и она надолго не задержится.

Зачем Николетте необходимо мое присутствие? Ну, должен же быть рядом человек, с мнением которого счастливая новобрачная всегда может не согласиться. Владимир Иванович может уделить супруге не более одного дня в неделю, остальные шесть он занимается бизнесом. Риелторов маменька считает кем-то вроде слуг, а благородная дама, аристократка, богатая леди никогда не опустится до приятельской беседы с обслуживающим персоналом. Горничную, шофера, парикмахера, агента по недвижимости следует называть на «вы» и беседовать с ними вежливо. Ругать можно лишь ровню. А как хочется, выйдя из очередной неподошедшей квартиры, высказать свое мнение, вылить эмоции... Вот поэтому мне и приходится уже почти шесть месяцев таскаться с Николеттой по выставленным на торги квартирам. И судя по тому, как развиваются события, эти путешествия надолго станут моим хобби.

В стекло двери водителя постучали, я повернул голову и увидел Николетту. Несмотря на довольно теплый ноябрь, маменька облачилась в меховое манто без... рукавов. Когда я впервые увидел сие изделие, хотел поинтересоваться: зачем скорняк оторвал у красивой шубы рукава? Получилось странное одеяние, которое непонятно когда носить. Зимой в нем замерзнешь, а осенью и весной вспотеешь. Удивительнее меховой душегрейки длиной в пол являются только сапоги, которые некоторые девушки натягивают, идя на пляж.

– Вава, ты заснул? – закричала маменька. – Стою тут с утра, а он за рулем мечтает.

Ответить: «Приехал десять минут назад, и в переулке не было ни одного автомобиля» – было бы смерти подобно.

Я открыл дверь.

– Добрый день. Прости, пожалуйста.

– Бахилы привез? – деловито осведомилась матушка.

– Конечно, – заверил я, указав на пакет с приобретением. – Все, как ты хотела, особый вид для каблучков.

Николетта быстро открыла заднюю дверь и устроилась на сиденье.

– Вава, займись моими ботильонами, и пойдем.

Я вышел из машины и покорно стал выполнять приказ. Сначала натянул на один ботинок голубой мешочек, потом вскрыл маленькую прямоугольную упаковку, вытащил то, что нужно прикрепить к каблучку, и удивился: что-то сия вещь мне напоминает...

– Вообще-то необязательно мучиться в идиотских бахилах, – сказал за моей спиной тихий голос. – Разговаривала сейчас с хозяйкой, и та ни словом не обмолвилась, что волнуется за сохранность паркета. Думаю, можно так идти...

– Нет, Настя, – перебила риелтора маменька, – не желаю пачкать свою обувь из последней коллекции Диора о чужие полы.

Я, как раз обматывавший пластырем защиту каблучка, постарался не рассмеяться. Наивная Анастасия решила, что Николетта заботится о чистоте в квартире, которую намерена осматривать. Ан нет, ее волнуют собственные ботинки!

Встав, я обернулся, увидел нового риелтора и быстро оценил ее внешность. Насте на вид лет тридцать, она не красавица, но и не урод, глаза вроде карие, волосы темно-русые, не длинные и не короткие, милая улыбка. Одета в элегантный костюм: юбка, блузка, пиджак, в руках у нее не сумка, а планшет. В женских туфлях я не очень разбираюсь, но они на небольшом квадратном каблучке, в таких удобно маршировать по лестницам. Драгоценностей на девушке нет, макияжем она не увлекается, духами от нее не пахнет. Интересно, к чему Николетта придется сегодня?

Глава 9

Анастасия довольно долго нажимала на звонок, пока из-за двери не раздался недовольный голос:

– У нас пожар? Кто там ломится? Что случилось?

– Добрый день, Евгения Борисовна, – крикнула Настя, – мы пришли посмотреть вашу квартиру.

– Зачем? – удивилась хозяйка.

Риелтор понизила голос:

– Иван Павлович, Николетта, не удивляйтесь. Госпожа Палкина женщина пожилая, у нее не очень хорошо с памятью. Апартаменты принадлежат уже не Евгении Борисовне, а ее сыну, живущему в Израиле. Если они вам понравятся, сделку будем заключать с ним. Палкины тут пятьдесят лет проживают. Никаких несовершеннолетних детей, инвалидов или уголовников, отсидевших срок, в квартире не прописано. Евгения Борисовна десять лет назад подарила ее Льву Яковлевичу, своему единственному сыну. Вы не обращайте внимания на слова старухи, вам с ней дел не иметь.

– Так что вам надо? – спросила за дверью хозяйка.

– Евгения Борисовна, мы договорились с вами на сегодня об осмотре выставленного на продажу жилья, – напомнила Настя.

Створка наконец распахнулась, и я увидел в овальной прихожей очень пожилую даму, наряженную в длинное бордовое бархатное платье. Шею ее обматывали километры жемчужных нитей, в ушах висели бриллиантовые «люстры», на пальцах сверкали кольца, а высокая прическа была украшена гребнем с большими зелеными камнями. До моего носа добрался тяжелый душный восточный аромат духов, я не сдержался и чихнул.

– Знакомьтесь, – засуетилась Настя, – Евгения Борисовна Палкина, а это Николетта и Иван Павлович.

Хозяйка опустила уголки рта.

– Любезная, я Эвгения фон Палкина, дочь барона Вольдемара фон Палкина, статского советника, конфидента государя-батюшки Александра Третьего.

Я опять чихнул. Если мне не изменяет память, этот русский самодержец родился в тысяча восемьсот сорок пятом, а скончался в тысяча восемьсот девяносто четвертом году. Евгения Борисовна явно не в ладах то ли с математикой, то ли с историей, она никак не может быть ребенком доверенного лица Александра Третьего. Хотя, может, даме перевалило за сто лет?

Николетта сделала шаг вперед, я отошел в сторону. Ну, теперь выход маменьки.

– Рада знакомству, – прошептала моя родительница. – Я Николетта де Адилье, вдова великого писателя Павла Подушкина и жена олигарха, первого номера в списке журнала «Форбс», Вольдемара де Рябиков. Пришла посмотреть вашу халупку. Хочу купить ее для своей верной домработницы, сделать ей подарок на Новый год.

Евгения Борисовна стала сверлить глазами матушку. Та не отвела взора и принялась жечь им хозяйку квартиры. Я вновь чихнул. Госпоже Палкиной попался достойный противник, ну, посмотрим, чем закончится битва этих горгон.

– С какой комнаты лучше начать? – засуетилась Настя.

– Налево гостиная, – провозгласила Евгения Борисовна, – прошу покорно следовать за мной.

Я пошел по черному от старости паркету. Похоже, ремонт тут в последний раз делали в царствование Николая Второго – обои потертые, пол затоптан, состояние потолка непонятно, в люстре горят две тусклые лампочки, плохо освещающие «пейзаж».

– Зал для приемов! – воскликнула Палкина и толкнула дверь.

Мы гурьбой втиснулись в узкое, смахивающее на гроб пространство.

– Вы уверены, что это парадные покои? – прищурилась маменька. – Мой пудель живет в более просторной будке.

Я сумел удержать очередной приступ чихания. У маменьки же нет собак.

– Милочка, – процедила Евгения Борисовна, – понимаю, вам впервые пришлось посетить благородный дом, вы до этого ни разу не видели фортепьяно. Вон тот большой черный предмет у левой стены является музыкальным инструментом. На нем когда-то Шуберт писал свои вальсы, а потом композитор подарил пианино моей мамочке, уникальной певице.

Я вздохнул. Австрийский композитор Франц Шуберт родился на свет в тысяча семьсот девяносто седьмом году и скончался в тысяча восемьсот двадцать восьмом. Похоже, мать хозяйки, раз ухитрилась родить дитя в прошлом веке, была дочерью бессмертного графа Сен-Жермена. И еще – Шуберт никогда не сочинял вальсы. Евгения Борисовна допустила ту же ошибку, что и автор песни про упоительные в России вечера, где есть строчка: «И вальсы Шуберта, и хруст французской булки». Упомянутая булка действительно имела замечательную корочку и аппетитно ломалась, это я хорошо помню с детства, а вот с автором танца вышла незадача, поэт явно перепутал Шуберта со Штраусом, жившим несколько позже.

– Дорогая, тут только жуткая кровать с пыльным балдахином, колченогий столик с мутным зеркалом и объединенный молю стул, – прочирикала Николетта. – Анастасия, любезная, сколько метров в этом чулане?

– Точно не скажу, но думаю, около двенадцати, – предположила та.

– Милочка, у вас косоглазие? – разозлилась хозяйка. – Мы с мужем здесь давали балы. Двадцать четыре пары в нашей гостиной па-де-катр танцевали.

– Советую вам надеть очки, – распорядилась маменька.

Евгения Борисовна неожиданно послушалась – порылась в висящих на шее бусах, выудила оттуда очки на черном шнурке, водрузила их на нос и взвизгнула:

– А где рояль? Куда вы его дели? Пианино здесь не стояло. Ой, это же комната Расмуса. Но тут всегда располагалась гостиная! Вот странность. Хорошо, расскажу об опочивальне. Перед вами лучший образец...

– Спасибо, уже сами видели, – нараспев продекламировала Николетта.

– Давайте пойдем дальше, – предложил я, мечтая побыстрее закончить осмотр.

– Молодой человек, мне очень жаль, что вы с презрением относитесь к истории родного отечества, – отчеканила Евгения Борисовна. – И вам следует молчать, когда беседуют почтенные, убеленные сединами дамы. Странно, что ваша мать...

– Я не убелена сединами, – рассвирепела маменька. – И Вава мне не сын, он старше меня. Намного. Не желаю любоваться на дряхлые дрова, занавешенные грязными тряпками!

– Квартира продается с обстановкой, – не к месту подала голос Настя, – и посудой.

– У меня свои сервизы, – фыркнула матушка. – Обеденный, например, на сто сорок персон, им Петр Первый пользовался. А мебель свою привезу из Эрмитажа, она пока там выставлена.

– На ложе, возле которого мы стоим, спал Наполеон, когда жег Москву, – достойно ответила госпожа Палкина.

– Похоже, Бонапарт был полным идиотом, – хихикнула маменька. – Город горит, а полководец прячется под одеялом... Ладно, с этим помещением все ясно. Идем дальше.

Гордо вскинув голову, Николетта, быстро перебирая ногами, посеменила вперед. Евгения Борисовна почему-то молча последовала за потенциальной покупательницей.

– Раунд закончился со счетом один – ноль в пользу вашей мамы, – шепнула мне Настя.

Я промолчал. Николетта не из тех людей, которых можно ошарашить заявлением про кровать знаменитости, у матушки комплекс сверхполноценности, который подкреплен немалыми деньгами Владимира Ивановича, обожающего ее до судорог.

– Здесь перекресток коридоров, – засуетилась Настя. – Куда идти? Налево? Направо? Палкина призадумалась.

– Странно, у нас всегда была одна галерея. Рояль исчез, зато появился лишний коридор... Что сие значит?

– Сюда! – скомандовала Николетта.

Матушка ринулась вперед, я поспешил за ней, оказался в огромной круглой комнате с камином и ахнул.

– Какая красота! – не удержалась от восклицания Анастасия.

– Перед вами чулан для хранения запасов, – начала Евгения, – вы видите здесь старинные буфеты, их собственноручно сделал... О, рояль!! Что инструмент делает в кладовке? Кто переставляет в моей квартире мебель?

Я отключил слух и стал осматриваться. Можно понять, почему даже Настя, которой вообще-то не положено демонстрировать свое отношение к продаваемому объекту, не удержалась от выражения восторга. Пожалуй, это одна из самых красивых комнат, в которых я когда-либо бывал. Два эркера, потолок со старинной лепниной, камин с мраморным обрамлением, много воздуха, света. Если выкинуть кресла-диваны-столы, произведенные в начале шестидесятых годов двадцатого века на фабрике ритуальных принадлежностей имени Красной Коммуны, и поставить...

Легкая рука тронула меня за плечо, я повернул голову и увидел Настю, открывавшую, словно рыба, рот. Усилием воли я включил звук.

– Иван Павлович, Николетта говорит, что ей противно заходить в чужой санузел, просит вас его осмотреть, – слишком громко сказала девушка. – Вижу, вам тут понравилось.

– Прекрасная комната, – согласился я. – Куда идти?

– Направо и два раза налево. Нет, лучше я покажу дорогу, в этих хоромах легко запутаться, – заботливо предупредила Настя. – Осторожно, здесь консоль... аккуратно, не ударьтесь об этажерку... Вон та дверца с ручкой в виде медвежьей головы. Сейчас свет зажгу.

– Нет необходимости, – остановила Настю Евгения Борисовна, – там светло, чудесно можно все разглядеть без наматывания счетчика.

Я потянул на себя створку, шагнул в просторный санузел и попятился. На расстоянии метров пяти от меня стоял совершенно голый молодой мужчина с зубной щеткой в руке. Увидев меня, он радостно заулыбался и приветственно помахал щеткой.

Я смутился, пробормотал:

– Простите, не знал, что в ванной кто-то есть.

Затем бочком вышел в коридор и предстал перед маменькой, немедленно задавшей вопрос:

– Ну, и что там?

– Не успел разглядеть, – честно ответил я. – В ванной приводит себя в порядок один из хозяев.

– В доме никого, кроме меня, нет! Сударь, вы обманщик! – вознегодовала Евгения Борисовна. – Мой муж уехал в Израиль.

– Вы хотели сказать сын, – по глупости поправила старуху Настя.

Глаза Палкиной вспыхнули бенгальскими огнями.

– Милочка, я еще слишком молода для того, чтобы обзаводиться потомством. Или мне, по-вашему, триста лет?

– Конечно нет, – пробормотала риелтор.

– Вероятно, вы забыли о наличии в доме представителя мужского пола, – осторожно предположил я. – Может, это он переставил рояль из одной комнаты в другую?

Евгения Борисовна прищурилась и проскользнула в санузел. Я приготовился услышать визг, но в наступившей тишине было слышно, как где-то громко тикают часы.

– Ерунда, – заявила Палкина, снова материализуясь в коридоре, – это сосед.

– Вы разрешили ему воспользоваться вашей ванной комнатой? – Я попытался разобраться в идиотской ситуации. – Может, пойдем дальше? Пусть человек спокойно помоемся. Я осмотрю помещение, когда гость его покинет.

– Нечего ему там делать! – побагровела Евгения Борисовна. – Хам, нахал и отребье. Никогда не отвернется, если меня в душе видит. Маньяк. Насильник. Подглядыватель. Купил квартиру год назад, и с тех пор от него покоя нет. Раньше, когда апартаменты Лидии Михайловой, матери нашего полководца Михаила Кутузова, принадлежали, проблем не было. Мы с Лидушей душа в душу жили, по очереди мыться ходили. А этот ферт непотребные слова произнес, когда я ему справедливое замечание сделала. Каждый день новых женщин приводит, они меня видят и визжат. Ни малейшего воспитания. Быдло! Крестьянин! Пролетарий! Тяжело женщине благородных кровей среди кухаркиных детей...

Я взглянул на Настю:

– Квартира коммунальная?

– Нет, нет, – замахала она руками, – хозяин один. Евгения Борисовна, вы сдаете комнату?

– Противно слушать эту чушь, – топнула ногой Палкина. – Иван, займитесь же наконец санузелом.

– Вава, тебя все ждут, – укорила меня Николетта. – Сколько можно мямлить? Экий ты нерешительный.

Делать нечего, пришлось постучать в дверь санузла.

– Разрешите? Я зайду один, без женщин.

– Да иди уже, – зашипела мне в затылок хозяйка, – еще реверанс хаму сделай.

Я вдвинулся в ванную. Мужчина, по-прежнему совершенно голый, теперь брлся. Заметив меня, он обрадовался так, словно я его близкий родственник, и, положив станок на раковину, широко улыбнулся. Потом его губы зашевелились, и я понял – он что-то говорит. Но отчего-то до меня не долетает звук. В конце концов парень поманил меня рукой, я сделал несколько шагов и рассмеялся.

Глава 10

Обнаженный человек стоял не в ванной Палкиной, а находился в другой квартире. Одна стена санузла была стеклянной, вернее, окном, и я не сразу сообразил, что вижу в него чужой санузел. Сосед схватился за низ рамы и поднял ее. Я проделал то же самое.

– Здорово, я Серега, – представился парень.

– Иван, – в тон ему ответил я. – Как близко дома стоят, можно за руку здороваться.

– Квартиру у старой жабы купить хочешь? – прищурился Сергей. – Достала она меня, карга морщинистая. Только умыться зайду, бабка тут как тут. Прямо караулит меня, нимфоманка египетская! Мумия китайского императора!

– Скорей уж жены фараона, – усмехнулся я. – Но в отличие от мумии госпожа Палкина весьма говорлива. Кстати, она считает, что это вы ее преследуете, поскольку являетесь сексуальным маньяком.

Сергей хлопнул себя по бедрам.

– Ну ваще! Я столько не выпью, чтоб к этой красотище на метр приблизиться. Вообще-то я баб люблю, но моя Ленка вечно по вечерам твердит: «Отстань, Серега, башка болит». Я ей спокойно говорю: «Мне не твоя голова сейчас нужна, другое интересует». Каждый раз у нас с Ленуськой такой диалог. Неделию назад я умыться часов в десять вечера пошел, глянул в соседское окно, а там... Летят самолеты, строчат пулеметы! Бабка голая у зеркала! Ваня, у меня проблем с потенцией нет, но как на нее глянул, даже воду включать не стал, на цыпочках в спальню двинул, лег в кровать, одеялом накрылся и притих. Это что же, под конец жизни все бабы такими делаются? Нет, я в сорок лет в монастырь намылюсь, чтоб в своей постели этого ужаса никогда не иметь. Жуть! Ленка меня трясет: «Серега, ты чего, сегодня у меня голова не болит!» А я от нее шарахаюсь, бормочу: «На работе устал». Прикинь? Давай приобретаю жилье скорей, подружмися. Мой дом на соседней улице, идти ко мне минут пять. Но я круто придумал – положим широкую доску, станем друг к другу по ней ползать.

– Прекрасная идея, – пробормотал я. – Скажи, а почему ты окно не заложил или жалюзи не повесил?

– Вот еще, – скривился парень. – Бабка мне кулаком грозит, плюется в мою сторону, а я ей приятное сделаю, исчезнув с горизонта? Хренушки! Пусть сама отгораживается. Я, когда ее впервые увидел, смутился, в полотенце замотался. Потом раму поднял, стеклопакет в этих домах не как везде открывается, сказал: «Бабушка, давайте познакомимся». А она пасть разинула да как пошла материться! Такими словами сыпала, каких я ваще не слышал, обзывала эк... эм... эн... ксибиги...

– Эксгибиционистом, – помог я Сергею.

– Вот-вот! И не стыдно пожилому человеку по-черному выражаться! – вознегодовал сосед. – Короче, старуха первая войну начала. А кто ко мне с топором придет, тому пилой по шее. Давай перебирайся сюда навсегда жить, вместе гудеть станем, у Ленки есть пара подружек, на все всегда согласных.

– Непременно, – пообещал я и, попятившись, выбрался в коридор.

– Никак вы, молодой человек, с этим быдлом любезные разговоры вели? – агрессивно спросила хозяйка.

– Евгения Борисовна, может, вам повесить в санузеле штору? – предложил я.

– Еще чего! – скривилась хозяйка. – Я здесь всю жизнь провела, а этот хам варяг. Пусть сам занавесками отгораживается. Не собираюсь быдлу жизнь украшать.

* * *

– Как вам жилплощадь? – робко спросила Настя, когда мы вышли на улицу.

– Отвратительная, – отрубил Николетта. – Хозяйка сумасшедшая, кругом грязь, и этот мужик в ванной.

– Гостиная красивая – эркеры, лепнина... – вздохнул я. – Дом стоит удачно, тихое место. С Евгенией Борисовной тебе дел иметь не придется, жилье продает ее сын.

Анастасия с благодарностью посмотрела на меня.

– Какова мать, таков и ребенок, – безапелляционно заявила Николетта.

Я потупил взор. Надеюсь, это правило срабатывает не со стопроцентной гарантией. Хочется думать, что я пошел в отцовскую линию.

– Не стану приобретать квартиру у карги, которая решила, что я твоя мать, – продолжала Николетта. – Слепая сова! Издали видно, что я едва отметила тридцатипятилетие. И окно в ванной меня раздражает.

– Его можно заложить, – вставил я слово.

– Маскироваться не собираюсь! – разозлилась маменька. – Незачем постороннему человеку подарок делать. Неохота ему соседей видеть? Пусть сам вызывает мастера с кирпичами. Жилье мне не подходит. Конеч, Вава, прекрати спорить с матерью, которая любит тебя больше жизни.

Я усмехнулся. Николетте следовало бы определиться, я ей сын или нет.

– Держи свое мнение при себе! – пошла вразнос матушка. – Вава! Если я сказала «нет», это именно нет!

На всякий случай я кивнул. Женщины – загадочные существа, понять, что они хотят, сложно. Но я имею некоторый опыт общения со слабым полом и давно сообразил: если дама говорит «нет», то очень часто это означает «да». Вот «не знаю» – стопроцентно «нет». А если вам вдруг прошептали «да», радоваться не стоит. Женское «да» можно трактовать как угодно, но только не как полное согласие. Извините, если я запутал вас, после общения с Николеттой у меня пропадает способность четко излагать мысли.

– Сними с меня уродские чехлы, – потребовала Николетта, усаживаясь на заднее сиденье своей роскошной машины.

Я наклонился и начал отдирать пластырь.

– Здорово придумали! – восхитилась Настя, наблюдая за моими действиями. – Сначала не поняла, что вы такое на каблук надели, а сейчас сообразила. Почти все хозяева требуют от покупателей влезть в бахилки, женщинам в них неудобно, шпильки полиэтилен рвут.

Я молча снимал пластырь. Почему бы дамам не надевать при осмотре квартир обувь на плоской подошве? В конце концов можно прихватить сменные тапки.

– А вы, Иван Павлович, молодец, – чирикала Настя. – Надо же, презервативы на шпильки натянуть... Гениально! Всем про ноу-хау расскажу.

Я замер.

– Что? – взвизгнула Николетта. – Какая гадость! Вава, ты заставил меня разгуливать в... в... в... Фу! Повторить стыдно! Скройся с моих глаз! Не желаю тебя более никогда видеть. Боже! И я в этом ходила?! Александр, поехали!

Шофер послушно схватился за баранку, роскошный «Бентли» покатил к выезду со двора.

Я остался на тротуаре. Кондомы! То-то «накаблучники» показались мне чем-то знакомым, но я не успел сообразить почему – маменька начала злиться, и пришлось спешно орудовать пластырем. Ну, Иван Павлович, ты оказался на редкость скудоумным и невнимательным! Старичок из аптеки сказал же: «Проделайте дырочку для каблук, потом возьмите изделие номер два». Почему я не вспомнил, что в СССР все провизоры именно так именовали пре-

зервативы – «изделие номер два». Кстати, изделием номер один в Советском Союзе считался противогаз. Но все это было так давно! Сегодня я по глупости решил, что старичок имел в виду, что голубые бахилы надеваются на туфли первыми, а потом вторым номером странные мешочки. Однако старичок за прилавком оказался большим шутником... А я-то, я-то хорош! Искренне поверил, что в продаже есть специальный фасон – вариант бахил для шпилек, из двух частей. Есть ли предел тупости господина Подушкина?

Настя тихо хихикнула, я встрепенулся:

– Вас подвезти?

– Спасибо, Иван Павлович, тут метро в двух шагах, до скорой встречи, – сдавленным от сдерживаемого смеха голосом поблагодарила она меня и поспешила вперед.

Я сделал шаг к своему коню, увидел, что «Бентли» Николетты задом несется в мою сторону, и отпрыгнул на тротуар. Николетта высунулась из окна.

– Вава! На этой неделе смотрим очередной вариант. Не смей придумывать какие-нибудь глупые дела. Александр, вперед!

Шикарная машина вновь помчалась в противоположную сторону. Николетта в своем духе. Заявила пару минут назад, что никогда не желает меня видеть, а теперь сказала: «На этой неделе смотрим очередной вариант». Думаю, Аристотель, которого принято считать одним из отцов логики, после общения с Николеттой погрузился бы в пучину депрессии. Маменька начисто опровергает учение великого грека, она яркое свидетельство того, что логики вообще не существует.

Ну ладно, я наконец исполнил сыновний долг, сейчас пообедаю, выпью кофе и займусь делом Брагина.

Глава 11

Супермаркет, про который говорил Артем, именовался не «Тюльпаном» и не «Незабудкой», а «Ежиком». На мой взгляд, более странного названия для продуктового магазина и не придумать. И уж совсем дико выглядел здоровенный, выше меня ростом, картонный еж, который стоял около камеры хранения. У ячеек маячила ярко окрашенная девушка в красной микроюбке, белых ботфортах и зеленой кожаной курточке до талии. Увидев меня, она расплылась в улыбке и кокетливо сказала:

– Вау! Ну и встреча! Я живу в соседнем доме. А ты сюда зачем пришел? Тоже рядом обитаешь?

Я решил, что девица проститутка, пришедшая за продуктами, и пробормотал:

– Да вот, понадобилось кое-что купить.

И сразу рысью двинулся к кассе. А там вежливо осведомился у сотрудницы магазина:

– К кому обратиться, чтобы дать объявление по радио?

– Бытовое или рекламное? – устало поинтересовалась женщина.

– Потерял где-то в зале перчатки, – нашел я подходящий ответ, – новые, дорогие, кожаные.

– Сто рублей, – перебила меня тетка. – Чек отдадите Геннадию. Идите направо в книжный отдел, там найдете зеленую дверь с табличкой «Радио». Стучите громче, ногами колотите, Гена в наушниках сидит.

Я пошел в указанном направлении и довольно быстро отыскал закуток, где на стеллажах теснились издания в бумажных переплетах. Посреди литературной поляны стоял стол, на котором громоздились стопки разноцветных изданий, над ними висело объявление: «Внимание! Акция! При покупке четырех книг четвертая в подарок». Я три раза перечитал «дацзыбао», прежде чем до меня дошел его смысл. Настроение сразу резко улучшилось. Похоже, здесь работают люди с чувством юмора, надо будет после беседы с Геннадием посмотреть ассортимент.

Вопреки предупреждению кассирши, бить в дверь ногами не пришлось. Не успел я один раз постучать, как раздался вопль:

– Открыто!

В небольшой душной комнате в кресле сидел тощий юноша в бейсболке и здоровенных наушниках. Я открыл рот, чтобы изложить свою просьбу, но Геннадий крикнул:

– Что хотите?

– Сделать объявление.

– Чего? Громче говорите! Ни фиги не слышу! – завопил парень.

Я молча снял с его головы антифоны и положил их на стол.

– Вау, – рассмеялся Геннадий, – совсем забыл, что уши заткнуты. Объявление сделать хотите? Чек есть?

– А без него никак? – прищурился я.

– Бесплатно даже курица не взвизгнет, – возмутился юноша. – Ну до чего народ жадный стал! За столбик удавится!

Я демонстративно вынул портмоне.

– Хотел вам лично отдать. Зачем хозяина магазина кормить? Он и так не бедный, а у вас небось оклад с гульки хвост.

– Ваше ни фига жлоб не платит, – пожаловался Гена, пряча купюру. – Вот вам бумага, ручка, пишите, чего сказать надо.

– Можно самому речь произнести? – попросил я.

– Извините, не положено – прямой эфир, – отказал собеседник. – Вдруг гадость озвучите? Выматеритесь?

На стол легли пятьсот рублей.

– Ну... Все равно – нет, – на сей раз с меньшим энтузиазмом не согласился Геннадий.

Я молча прибавил еще тысячу, юноша мгновенно сгреб купюры.

– О'кей. Только сообщите, чего болтать собрались, времени у вас тридцать секунд.

Повесив на лицо выражение не очень умного, но беспрельдно счастливого человека, я принялся объяснять.

– Это будет признание в любви: «Дорогая Настя, покорен твоей красотой, выходи за меня замуж». В зале ходит моя девушка, она сюрпризы любит, хочу ей предложение необычно сделать.

Гена откинулся на спинку кресла.

– Мужик, ты гениально придумал. Кольцо купил?

Я похлопал по карману куртки.

– Конечно.

– Супер! Садись на табурет и вещай. Говори прямо в микрофон, но не части, слова произноси медленно, четко, – давал указания хозяин рубки. – Ну, уан, ту, фри, начинай.

Я прочистил горло и выдал:

– Дорогая Настя! Покорен твоей красотой. Выходи за меня замуж.

– Да ты профи, – похвалил меня Гена, – четко отработал. Беги, дари своей подружке кольцо.

Я прикинулся озабоченным.

– Думаешь, меня везде в магазине слышали? Может, повторить?

Геннадий не смог скрыть радости.

– Не вопрос, гони монету и бубни.

– Плачу тебе и говорю сколько хочу? – уточнил я.

– Разбежался... – заржал диджей супермаркета. – Тайминг – тридцать секунд.

– Здорово ты устроился, – хмыкнул я, – зарплата маленькая, а левак сочный.

– Такие клиенты, как ты, не каждый день бывают, – разоткровенничался Гена. – Обычно дятлы приходят и ноют: «Объяви за так, сторулевки лишней нет». Жлобьяры! А чтобы нормальное бабло кто предложил, ваще редкость.

– Люди не догадываются, что можно твоей услугой воспользоваться. Мне бы и самому не допереть, – сконфуженно улыбнулся я, – но недавно я услышал в зале, как женский голос какого-то Артема пугал. Типа, она знает, чего Анна Сергеевна натворила, и всем это расскажет. Неподалеку живу, часто сюда заглядываю, хороший магазин. Тетка вещала, и мне в голову пришло: вот как надо Насте предложение сделать.

Геннадий захохотал.

– Было дело. Приперлась тогда бабень. С деньгами у нее шоколадно, на офигенной тачке катается! «Бугатти Вейрон шестнадцать и четыре Супер Спорт»⁷. Слышал про такую?

– Нет, – на этот раз откровенно ответил я.

– Да ты че, мужик? – оживился Геннадий. – До ста километров в час разгоняется за две с половиной секунды. Максимальная скорость четыреста тридцать один километр. Восемилитровый, шестнадцатицилиндровый двигатель мощностью тысяча двести лошадиных сил. Крутейшие колеса! Тачка – закачаешься! Цвет кузова у нее алый. Чума! Но мне на такую только облизываться. Жаль, сразу не увидел, на чем тетка прикатила, я б с нее тогда штуку евро слупил. Короче, продешевил я, взял деревянными шесть тысяч. И ведь еще радовался... Но заказчица не в золоте-бриллиантах была. Волосы, помню, темные, не блондинка, точно. В плащике простеньком, в очках с затемненными стеклами. Не красавица, полная, на морде и шее морщины, небось сороковник справляла. Она мне сказала: «Свекровь и муж замучили придирками,

⁷ Bugatti Veyron 16,4 Super Sport, примерная цена – около двух миллионов евро.

житья от них нет. Вот тебе деньги, разреши я им кой-чего объявлю. Ходят сейчас по магазину, пусть подергаются».

– А как ты про машину узнал? – осторожно спросил я. – Женщина же не на ней в рубку въехала.

– Бабень появилась вечером, перед самым концом рабочего дня, а ухожу я в двадцать один ноль-ноль, – охотно стал пояснять Геннадий. – Наболтала, чего хотела, и умелась. Я на часы глянул, долго ли еще сидеть осталось. Тут вдруг мужик приносится – глаза в кучу, морда баклажановая – и давай скандалить: «Кто сейчас по радио говорил? Немедленно выкладывай!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.